

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**На правах рукописи
УДК**

ЗИКИРИЛЛАЕВ БЕХЗОД

**ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ ИВАНОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЮСУФА
БАЛАСАГУНИ «БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ»)**

**5А 2210101 – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
(РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА)**

На соискание степени магистра филологии

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**Работа рассмотрена и
допущена к защите
25 мая 2011 года
Зав. кафедрой русской и
мировой литературы
доц. Алимова Д.Х. _____**

**Научный руководитель:
доц. Алимова Д.Х.**

М.П.

Самарканд – 2011

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы. Такими словами начинается почти тысячелетняя история классической тюркоязычной литературы. Эту историю открывает величественный памятник тюркской литературы и культуры — первое, старейшее и единственное в своем роде тюркское поэтическое сочинение XI века, которое прошло сквозь толщу времени и по достоинству вписало имя своего автора в блестящее созвездие его гениальных современников — выразителей духовной культуры народов Средней Азии. Это сочинение — поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), которую без малого тысячу лет назад написал в древнем Кашгаре прозорливый мудрец и вдохновенный поэт Юсуф хасс-хаджиб Баласагуни.

Новизна и актуальность магистерской диссертации. Проблемы художественного перевода всегда привлекали внимание как отечественных, так и литературоведов соседних стран. Все это представляет новизну и актуальность предлагаемой вниманию магистерской диссертации.

Цели и задачи исследования.

Методы исследования. В магистерской диссертации использован сравнительно-типологический метод и метод поэтико-структурного анализа текста.

Практическая значимость.

Степень внедрения и экономическая эффективность. По результатам исследования сделаны доклады на научно-исследовательских конференциях СамГУ, опубликованы две статьи: в сборнике «Филологические исследования» Самарканд: СамГУ, 2010 и в научном журнале «Horijiy filologiya» Samarqand, 2011 № 2.

Область применения:

Повеял Восток благовоньем весенним,
И райским овеяло мир дуновеньем.
И горы, как будто сурьюмою и хною,
Багрянцем окрасились, голубизною.
И серны резвятся в цветущих полянах.
Играют маралы в просторах багряных.
И хмурится небо, и плачет навзрыд,
И радостный дол многоцветьем блестит.
(63, 69, 79, 80)

В центре Азии лежит земля, где в древности соприкоснулись несколько великих культур Востока: византийская, арабская, персидская, индийская и китайская. Впитывая их лучшие достижения и, главное, развивая свои собственные традиции, здесь тысячу лет назад начали осваивать новый для себя мир двухтысячелетней городской культуры многочисленные кочевые племена тюрков. Древнейшее название этой земли — Туран,¹ более позднее—Туркестан (страна тюрков), сегодня мы зовем ее Средней Азией.

В IX веке в Туркестане, где до того господствовала иранская династия Саманидов, возникло новое тюркское государство—империя Караханидов, которая просуществовала до начала XIII века. Династию Караханидов, или, как их еще называли современники, «Дом Афрасйаба», «Мулюк аль-хакания» («Властители империи»), основали ханы, принадлежавшие к тюркскому племени карлуков. Карлуки и стали господствующим племенем в Караханидской державе, которая в период своего наибольшего могущества включала в себя Мавераннахр, Фергану, Семиречье, Кашгарию, то есть огромную территорию от Хотана (Синьцзян) до берегов Амударьи.² В империи было два центра: на востоке—город Кашгар, на западе — город Баласагун. Кашгар сами тюрки называли Ордукснт («ставка», «столица»), а Баласагун — Кузорду. В X веке караханнские тюрки первыми среди тюркских племен приняли ислам — религию оседлого населения, который

постепенно распространялся и среди кочевников. В XI веке властитель Караханидской державы, владевший многими городами Средней и Центральной Азии, среди которых были такие жемчужины Востока, как Самарканд и Бухара, уже носит запечатленный на монетах громкий титул: «Малик аль-машрик ва-с-син» — «Властитель Востока и Китая». Упоминание о владычестве над Китаем имело чисто символическое значение: такие титулы применялись для указания на то, что данный правитель господствовал на границе с какими-нибудь немусульманами.

Империя Караханидов состояла из трех основных уделов: Мавераннахр, Семиречья и Восточного Туркестана, однако в результате бесконечных междоусобных столкновений, борьбы за власть, за лучшие уделы и пастбища происходило дальнейшее дробление страны, что подтачивало устойчивость и мощь государства и привело в итоге к его распаду и гибели: в 1130 году Караханидское государство было завоевано хорезмшахами, а в 1212 году в Самарканде хорезмшахом Мухаммедом был казнен последний представитель западнокараханидской династии.

Тем не менее период господства Караханидов ознаменовался для всех частей их обширной империи значительными экономическими, социальными и культурными сдвигами, причем — в положительную сторону. При караханидском завоевании Средней Азии не было массовых разрушений и опустошений. Города не разрушались, а возделанные земли не превращались в пастбища. Сохранялось население — и городское, и земледельческое. Города Мазераннахр и Семиречья, которые в это время переживали бурный рост за счет расцвета рабадов — торгово-ремесленных кварталов, были настоящими центрами цивилизации: в них шумели восточные базары, кипела работа бесчисленных ремесленников, изготавливавших глиняную посуду, медную утварь, стекло, удивительные художественные изделия; в них работали замечательные строители, творения которых и по сей день стоят на земле, а в тихих худжрах — кельях — на многих языках Востока писались сочинения, которым суждено было пережить века

«Сад повелителя правоверных» — так называли Среднюю Азию XI века восхищенные путешественники и географы того времени Действительно.. XI век для Туркестана и соседнего, тесно связанного с ним Ирана — эпоха удивительного культурного расцвета Поражает многообразие его проявлений. Это время гениальных ученых,. бессмертных поэтов, замечательных зодчих. Среди них — уроженец. города Туге в Хорасане, автор гениальной поэмы «Шах- наме» Абулькасим Фирдоуси (ок. 935 — ок. 1020); уроженец Хорезма, ученый-энциклопедист Абу Рейхан Бируни (973—1048); уроженец Бухары, ученый, врач и поэт Абу Али Ибн Сина. известный в Европе как Авиценна (980—1037); уроженец Нишапура. математик, астроном и поэт-философ Омар Хайям (ок. 1048 — после 1122). Удивляет и восхищает, что Бируни еще в XI веке определил длину окружности. Земли и в противовес всем догмам полагал, что Земля вращается вокруг Солнца.

В Туркестане того времени широко использовались три языка: тюркский, арабский и персидский. Тюркский язык в культурных областях Туркестана был языком пришельцев из степи, кочевников, которые переходили к оседлости и благодаря своей многочисленности не только сохраняли свой язык, но и распространяли его среди туземцев; начинался процесс постепенной тюркизации края. Арабский был языком религии, науки, юридического делопроизводства, отчасти — поэзии. Персидский расцветал в прекрасных поэтических образцах, например, бухарского литературного круга, будучи при этом в Туркестане уже с X века также и языком богословской литературы. Все три языка использовали один общемусульманский алфавит — арабский, но, чтобы писать по-тюркски, использовался также и второй алфавит — уйгурский. Вообще же собственная тюркская письменность восходит к еще более древним временам, которые представлены тюркскими руническими памятниками VII века.

В культурной жизни Туркестана в ту пору особую роль играли две тюркские столицы — города Баласагун и Кашгар: первый — в Семиречье, в Чуйской долине, «большой, многолюдный и богатый город», по словам

арабского географа X века аль-Мукаддаси; ^другой — цветущий оазис в мертвой пустыне Такла-Макан у подножия великого Тянь-Шаня. Через них в то время проходил «Великий шелковый путь» между Китаем и Византией, по которому везли драгоценный китайский шелк и фарфор, а вместе с этим — бесценные рукописи со всего Востока и бесчисленные рассказы о других странах, о других людях, о другой человеческой культуре. Именно через Кашгар прошел в XIII веке караван венецианских купцов, среди которых был и описавший увиденное Марко Поло. В XI веке эти города являлись восточными форпостами мусульманского мира и были главными центрами нарождающейся тюркоязычной мусульманской литературы.

Судя по большому числу сохранившихся имен поэтов и писателей, литература караханидского периода в Средней Азии была, очевидно, довольно значительна. Имена многих писателей XI века из Кашгарии перечисляет, например, в своем труде «Китаб аль-ансаб» («Книга нисб») биограф Самани Абу Сайд (ум. 1113). Однако в большинстве случаев кроме имен о литераторах неизвестно более ничего: их сочинения канули в небытие. Но, по счастью, в Кашгаре XI века вырос и получил образование Махмуд Кашгари — первый ученый-тюрколог, без преувеличения — великий филолог того времени, автор драгоценного «Словаря тюркских языков» («Диван лугат ат-турк»), чудом дошедшего до наших дней в единственной рукописи. Из его труда мы знаем, что у караханидских тюрков была своя богатая народная поэзия, совершенно не подверженная персидскому влиянию. Была, конечно, и авторская тюркоязычная поэзия, но роль и место поэтов- тюрков в культурной жизни Туркестана были, видимо, весьма скромны. Тюркские правители в завоеванных ими областях Средней Азии подчинялись влиянию местной (персидской) культуры и не только держали при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи. «В коренных культурных областях Туркестана мы,— пишет академик В. В. Бартольд,— в домонгольскую эпоху не видим никаких попыток создать литературу на турецком (т. е. тюркском.— .VI. Ф.) языке». Таким образом, «слово тюрков»,

вчерашних кочевников, все еще «паслось оленем нагорным». Чтобы «приручить» его, придать ему в тех условиях авторитет книжной, придворной литературы, нужно было творческое усилие и талант настоящего поэта. Им и стал тюрк Юсуф хасс-хаджиб Баласагуни, с законной гордостью написавший в начале своей поэмы «Благодатное знание»:

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашу речь сия — лишь начало.(73)

Переплавляя в своем творческом горении несколько литературных традиций и стоя на благодатной почве устной словесности тюрков, Юсуф Баласагуни создает монументальное эпическое творение, великий памятник тюркоязычной поэзии, достойный быть названный в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья.

Четыреста да шестьдесят да второй Шел год,
Как я этому слову дал строй.
Не думой о славе я был одержим.
Желал людям благ я — своим и чужим.
Наследство живому от мертвого — слово,
И польза верна от наследья такого.
Живой и живущий! Меня не забудь,
Когда под землей мне придется заснуть!
(6496. 6503. 270. 6508)

Обессмертивший свое имя Юсуф родился в г. Баласагуне, от названия которого происходит нисба поэта — Баласагуни. От Баласагуна на земле осталось только название. Стоял он на территории современной Киргизской ССР, на берегах реки Чу, неподалеку от нынешнего г. Токмак. С находящимися здесь развалинами городища и башни Бурана — огромного

минарета, построенного в начале XI века, ученые и отождествляют Баласагун. Город погиб, вероятно, во время бесконечных распрей в XIV веке. Уже в XVI веке восточные историки знали его название только из книг.¹

Удивительно, но факт: ни Юсуф Баласагуни, ни его современник и земляк Махмуд Кашгари — выдающиеся деятели тюркоязычной культуры своего времени — не упоминаются ни у одного восточного биографа или библиографа.² Поэтому все наши сведения о Юсуфе Баласагуни состоят лишь из кратких данных, содержащихся в самом его сочинении.

«Четыреста да шестьдесят да второй» год хиджры, когда поэт закончил свой труд, соответствует 1069—1070 годам европейского календаря. Юсуф писал свою поэму, будучи весьма в преклонных годах по понятиям того времени:

А мне пятьдесят, и немолод я телом,
Был вороном черным, стал лебедем белым.

(365)

Что сделал я вам, пятьдесят моих лет?

За что ваша месть насылает мне бед?(369)

Исходя из этих цифр и с учетом различных поправок дата рождения Юсуфа приходится на 1015—1018 годы. Дату и место смерти, а также место захоронения Юсуфа Баласагуни мы, видимо, уже никогда не узнаем. О себе поэт в прозаическом предисловии к поэме пишет: «Сочинитель сей книги — уроженец Баласагуна, муж воздержанный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиб ; посему и известна слава имени его—Юсуфа, Великого хасс-хаджиба». Полное имя и титул «Властителя Востока и Китая», которому поэт преподнес свой труд, звучали так: Тавгач-Богра-Кара-хак;аи Абу Али Хасан, сын Сулеймана, Арслан-Кара-хакана (правил в 1056—1103 гг.). Поэт в

своей поэме называет его Табгач-Кар>а- Богра-хан (китайский великий Богра-хан). Улуг хасс-хаджиб — это высокое придворное звание, обладатель его был главой всего придворного штата. В современном понимании это звание примерно соответствует «министру двора».

Улуг хасс-хаджиб — всевидящее око правителя; он наблюдает за исполнением законов и обычаев, входит в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимает и провожает послов, наблюдает за правильной организацией официальных церемоний, выслушивает просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывает о них эмиру (правителю), то есть Табгач-Кара-Богра-хану:

Все знать и радеть обо всем до конца
Великий хаджиб должен в поте лица.
И если подумать, суть дел разумея,
Служенье хаджиба — всех служб тяжелее.
(2483, 2484)

Так говорит об этой должности сам Юсуф Баласагуни и обещательно перечисляет качества того, «кто быть всем хаджибам глезшо пригоден»:

«Хаджиб, десять свойств твою честь вознесут:
Всё видя и слыша, будь сердцем не крут.
Будь ладен и статен, умен и красив,
Сметлив будь и мудр, ведай дело и труд».
(2481, 2488)

Из поэмы Юсуфа Баласагуни с полной очевидностью устанавливается, что он «был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской

и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквиции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом». Это не удивительно — на средневековом мусульманском Востоке придворный поэт, чтобы считаться таковым, должен был пройти обязательный — и весьма обширный — курс наук. В сочетании с талантом, интеллектом и собственным опытом это давало литературе поистине вершинные поэтические явления.

Бессчетны владыке всевластья даянья.

Мой дар — этот свод, «Благодатное знание».

Дары те не вечны — удел их таков,

А мой будет вечен во веки веков!

Что скопишь, сберешь — всё уйдет незаметно,

А слава письмен неизбывна, всезетна!

(112. ИЗ. 114)

Пророческими оказались слова мудреца из Баласагуна — девять веков беспощадного времени оказались не властны над его творением.

Своеобразный нравственный кодекс своего времени, «Благодатное знание» — эпическое произведение этико-дидактического характера, написанное с целью указать путь, ведущий к познанию мудрости правления, житейского обихода и обращения с людьми. При всей своей моралистической направленности «Благодатное знание» не является и не может считаться, как иногда на этом настаивают, книгой сухих этно-дидактических наставлений и поучений. Это — философское произведение, в котором анализируются смысл и значение человеческой жизни и определяются обязанности и нормы поведения человека в обществе; при этом Юсуф не боится критиковать общество, в котором он сам живет.'

Этико-моралистические сочинения были давно и широко известны на Востоке и на Западе. Этот жанр был известен древним (Тем, индийцам,

арабам («Китаб аль-адаб аль-кабир» — «Большая книга наставлений», «Уюн аль-ахбар» — «Источники известий»), персам («Сиясетнаме» — «Книга о правлении», «Кабуснаме» — «Книга Кабуса», «Пенднаме» — «Книга наставлений»), а позже и европейцам, которые в эпоху Ренессанса, то есть почти пять веков спустя после «Благодатного знания», для выражения тех же идей пользовались формой «зерцал», отображавших их этические идеалы. У французов было «Miroire des Princes» — «Зерцало государей»; у англичан «Mirror of Princes» — «Зерцало государей»; у немцев «Fürsten- spiegel» — «Княжеское зеркало»; у славян близкими к этому жанру были свои нравоучительные книги: старославянский «Златоструй», русский «Златоуст», «Домострой» и другие.

В оригинале поэма Юсуфа Баласагуни носит название «Кутадгу билиг», которое все исследователи этого шедевра тюркоязычной поэзии переводили примерно одинаково: «Знание, приносящее счастье», «Знание, делающее счастливым», «Наука быть счастливым». Имея в виду другие значения слов, образующих название поэмы, высказывались предположения, что «Кутадгу билиг» может также значить «Наука об управлении», «Осчастливливающее управление» и «Знание, образующее царей». Действительно, эти переводы хорошо отвечают этико-дидактическому содержанию поэмы, основная идея которой направлена на воспитание и обучение идеального правителя.

С. Н. Иванов — автор первого полного русского поэтического перевода «Кутадгу билиг» — предложил свой, краткий и вместе с этим предельно емкий перевод названия поэмы: «Благодатнее знание». Это заглавие адекватно тюркскому названию не только по смыслу, но и по своей языковой архитектонике.

Композиционно «Благодатное знание» включает в себя два предисловия — прозаическое и стихотворное, 85 глав различного объема, заключение, состоящее из трех стихотворных фрагментов, и большое оглавление, авторская принадлежность которого остается под вопросом.

В связи с этим обратим внимание также на прозаическое и стихотворное предисловия к поэме, где поэт говорит о большой популярности его собственного сочинения на всем Востоке:

В восточных краях и у тюрков повсюду
Ей равная книга неведома люду.
И в разных пределах и градах столичных
Дано книге много названий различных.
(19. 26)

Как можно толковать такие высказывания по отношению к только что (или: еще не) написанной книге? Некоторые ученые предполагают, что либо оба предисловия написаны позднее и не автором «Благодатного знания», либо они написаны им, но предназначались для другого сочинения. Думается, что ближе к истине объяснение академика А. Н. Кононова: «По-видимому, речь здесь идет не столько о популярности самой поэмы, сколько о широком распространении сочинений подобного жанра».

Памятник огромен по объему: 6722 бейта — самых малых единиц законченной поэтической мысли — составили «Благодатное знание». Бейт (по-арабски буквально: «дом») — это основная единица стиха в литературах так называемого мусульманского региона — арабской, персидско-таджикской и тюркских. Каждый бейт — это отдельный стих, состоящий из двух полустиший (мисра). В восточных рукописях бейт записывался в одну строчку, а между мисра некоторые переписчики ставили другими чернилами какую-нибудь звездочку. Так же размещается бейт и в современных арабографичных изданиях. Однако в европейской переводческой традиции два мисра — эти половинки бейта — располагают не в одну строку, а одно под другим, то есть в виде двух строчек. В жанре месневи — наиболее крупной стихотворной форме, в которой и написано «Благодатное знание», мисра рифмуются между собой, и основная часть поэмы имеет схему рифм аа, бб, вв

и т. д. Однако три ее заключительных фрагмента написаны как более мелкие поэтические формы — касыды или газели и имеют, соответственно, другую схему рифм: аа. ба. ва и т. д. Такая внешняя смена формы имеет здесь и внутреннее, смысловое основание: эта часть поэмы представляет собой не что иное, как прощальную исповедь поэта, проникнутую по-настоящему лиричным, очень искренним человеческим чувством.

Таким образом, общее число рифмующихся строчек в «Благодатном знании» превышает 13 тысяч.

Очень часто в текст поэмы искусно вплетаются афористические высказывания, своеобразные цитаты в форме рубай — четверостишия со схемой рифм ааба. Таких четверостиший более двухсот. Остается только гадать, действительно ли это включение «чужих» стихов в текст сочинения или же это литературный прием. Во многих случаях эти рубай производят впечатление вплавленных в авторский текст фольклорных речений — пословиц и поговорок тюрков, тем более что некоторые из них Юсуф Баласагуни и предваряет соответствующим образом: «У тюрков об этом присловие есть, И здесь его к месту хочу я привести» (273), «Хранит речи мудрые тюркский язык. Послушай, что молвил премудрый старик» (667), «Послушай, что речь наших предков гласит, Пословицы предков хранить надлежит» (1638). Такое же ощущение фольклорности возникает и в других, не «оговоренных» автором случаях, например:

Есть к этому слову еще одно слово,
Внемли его смыслу, муж сердца благого:
«Разумному счастьем дается почет,
И в почестях жизнь его с честью течет.
Безмозглый и счастье не может хранить:
Глядишь, что ни день — а уже недочет!»
(1713. 1714. 1715) '

Поэма Юсуфа Баласагуни — первое известное науке тюркоязычное сочинение, написанное квантитативным стихотворным метром — арузом, заимствованным из арабо-персидской поэзии. Основу аруза составляет определенное чередование долгих и кратких слогов, что соответствует фонетическим особенностям арабского языка, где и возникла эта система стихосложения. В тюркских языках отсутствуют природные фонетические основания для аруза, и поэтому первые тюркоязычные поэты должны были проявить большую изобретательность и виртуозное мастерство, чтобы приспособить эту систему стихосложения к строю своего языка. В дальнейшем арузом были созданы многие и многие высокохудожественные произведения тюркской поэзии, но слава первопроходца на этом пути по праву принадлежит Юсуфу хасс-хаджибу из Баласагуна.

Как система аруз включает в себя несколько десятков размеров — метрических моделей. Для своей поэмы Юсуф Баласагуни избрал восьмистопный усеченный мутакариб. Он характеризуется нали-» чием трех трехсложных стоп и одной двухсложной, причем каждая трехсложная стопа состоит из одного краткого и двух долгих слогов, а двухсложная — из краткого и долгого слогов.

Таким образом, общее число слогов в одном мисра — 11:

Три заключительных фрагмента написаны полным мутакарибом, то есть без усечения последней стопы. Выбор такого размера представляется неслучайным. Во-первых, одиннадцатисложник — это очень распространенный размер в тюркской народной (силлабической) поэзии, следовательно, он в определенной мере привычен для тюрков, а во-вторых, мутакарибом же написан и гениальный героический эпос Фирдоуси «Шахнаме», отзвуки которого постоянно слышны в поэме Юсуфа Баласагуни.

Здесь мы часто говорим, что «Благодатное знание» — памятник тюркоязычной поэзии, но на каком же из тюркских языков (по современной классификации) написана поэма? Какой народ может считаться наследником этого богатства? В прозаическом предисловии к поэме говорится: «... в

государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке бограхановском и тюркской речью». Названный поэтом бограхановский язык — это письменно-литературный язык, распространенный в Караханидской державе (840—1212) эпохи правления хана ханов Табгач-Кара-Бограхана, что подчеркивает и сам Юсуф Баласагуни, говоря о своей поэме: «Она — Бограханова времени слово, И ханская речь — ее суть и основа» (23). Ученые предполагают, что бограхановскому языку Юсуфа Баласагуни соответствует язык, названный у Махмуда Кашгари, автора «Словаря тюркских языков» (составлялся в течение 1072—1083 гг.), хакаанским, который Махмуд считал самым чистым и самым приятным на слух среди других тюркских языков. Однако в современной тюркологии до сих пор нет единого мнения по вопросу определения языка поэмы, который с точки зрения классификации тюркских языков относится к их юго-восточной, или среднеазиатской, группе. Обобщая многочисленные предположения разных ученых, академик А. Н. Кононов пишет: «...язык поэмы Юсуфа Баласагунского можно было бы называть по признаку его высоких достоинств хакаанско-тюркским, по династийному признаку караханидско-тюркским, караханидско-уйгурским, судя по племенной принадлежности — карлукским, а по культурно-историческому признаку — карлукско- уйгурским».

Таким образом, в наиболее общем виде речь идет о древнеуйгурском (ныне мертвом) письменно-литературном языке, имевшем длительную историю своего развития. Много столетий назад умолкла речь на этом языке и он стал недоступен даже для самих носителей современных тюркских языков. При этом, однако, надо помнить, что подданные Караханидов не называли себя уйгурами и для Юсуфа Баласагуни язык, на котором он писал, не был уйгурским.

Но главный для нас вывод ученых заключается здесь в следующем:

«Благодатное знание» — памятник литературного языка смешанного карлукско-уйгурского типа, и какие бы из современных тюркских языков мы ни признали его ближайшими преемниками (прямой и непрерывной преемственности с «Благодатным знанием» у более поздних литературных тюркских языков нет), это выдающееся сочинение имеет все основания считаться общим достоянием тюркоязычных литератур среднеазиатского региона.

Девять столетий беседуют между собой четыре главных героя Юсуфа Баласагуни. Их беседы — о смысле бытия, о человеческом счастье, о достоинствах, которыми должен обладать человек, об идеальном устройстве общества — и составляют основное содержание поэмы. «Основа сей книги,— пишет мудрец из Баласагуна,— несколько непреходяще ценных сугей: первая — Справедливость, вторая — Счастье, третья — Разум, четвертая — Непритязательность». Их воплощением и предстают герои «Благодатного знания» Элик Кюнтогды (его имя означает: «Солнце взошло», «День занялся») аллегорически олицетворяет собою Справедливость (Правду). Айтолды (дословно: «Полнолуние». «Луна стала полной») символизирует Счастье, Огдюльмиш («Достохвальный») являет в себе свойства Разума (Ума), мудро сдержанный и скромный Одгурмыш аллегорически представляет Непритязательность.²

Как отмечает С. Н. Иванов, беседы героев и их письма, в которых находят отражение «вечные истины» и вневременные нравственные ценности, затрагивают множество различных тем. в их числе — три основные: о неотвратимости смерти и необходимости помышлений о грядущей вечной жизни (не будь беспечным, твори добро, оставь по себе доброе имя), о тщете мирских соблазнов и необходимости служения богу, о непостоянстве суетных благ и необходимости ценить непреходящее (добро, справедливость, ум и знания, сдержанность, щедрость и т. п.). При этом фабула «Благодатного знания», то есть последовательность событий, весьма проста. Айтолды, влекомый молвой о могуществе и справедливости элнка Кюнтогды, поступает

к нему на службу и становится его ближайшим советником и собеседником. После смерти Айтолды доверенным сподвижником элика становится его сын Огдюльмиш. Для пользы государства Огдюльмиш пытается привлечь на службу при элике своего родственника, мудреца-отшельника Одгурмышша, но тот, так и не согласившись, умирает. Элик и Огдюльмиш печалются об усопшем, прославляя доблести мужей, подобных умершему.

Сюжетная часть поэмы — собственно беседы — начинается с главы 12. Первые четыре главы — это традиционное и обязательное в мусульманских литературах восхваление Аллаха, пророка Мухаммада, четырех первых халифов и властвующего правителя, которому подносится сочинение. При этом, как подчеркивает академик А. Н. Кононов, Юсуф, будучи правоверным мусульманином, вместе с тем является истинным представителем своего народа, что проявляется в употреблении им в религиозной сфере исконно тюркских слов вместо традиционно принятых арабских. Пятая глава — описание Зодиака, также традиционное, а главы 6—11 являются своеобразным введением к основной части, в котором Юсуф излагает свое восприятие мира и славит самые ценные для него в этом мире вещи — знание и учение, добрые дела и человеческую речь.

Наряду с множеством тем основной части сочинения в ней в отдельных главах (иногда эти главки очень небольшие — десяток- другой бейтов) описываются качества, необходимые беку, везиру, военачальнику, хаджибу, управителю дворца, послу, писцу, казначею, повару, виночерпию, ученому, лекарю, толкователю снов, магу, звездочету, стихотворцу, земледельцу, скотоводу, ремесленнику, торговцу и многим другим людям. Все общество — снизу доверху — охватил зоркий взгляд мудрого хасс-хаджиба.

Действительно, в художественно преображенном виде в сочинении Юсуфа отражена среда, современная автору,— персонажи, события, морально-этические и нравственные идеалы, связанные с жизнью, культурой и идеологией оседлой тюркской государственности, еще прочно сохраняющей память о своей кочевой «предыстории». В своих поучительных иносказаниях

Юсуф, конечно, мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых. Но, несмотря на это, не следует, как подчеркивал академик А. Н. Кононов, искать в его поэме точного отображения повседневной жизни современного ему общества, которая проглядывает сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний. — ведь Юсуф Баласагуни был прежде всего поэтом. Никто не знает — что, какие обстоятельства вызвали к жизни «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни. В более широком плане известно, что на средневековом Востоке существовал своеобразный «социальный заказ» на книги об управлении государством: так, сельджукский правитель XI века Абу-л-Фатх Малик-шах устроил среди своих советников даже своего рода конкурс на лучшую книгу об управлении государством, и таковой стала «Сиясетнаме» («Книга о правлении») везира Низам ал-Мулка.

Возможно, Юсуф Баласагуни ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для современного ему общества, в котором происходили непрерывные и губительные для общего благополучия усобицы между претендентами на власть. Упорядочить на этой основе жизнь недавних кочевников во всех ее сферах, внести в нее стройную организацию призван был, по мнению Юсуфа, бек — «и мудрый, и умный, и правый» (2168), который должен дать подвластному народу главное — закон:

И, чтобы крепить свою власть год за годом.

Закон, а не силу поставь над народом.

Где беком надежный закон утвержден,

Страна там в поре благодатных времен.

Насилие — пламя, что насмерть сожжет.

Закон — это благо живительных вод!

(1435. 2017. 2032)

Здесь, отвлекаясь от темы, нельзя не удивиться прозрениям поэта древности, правота которого подтверждена временем. Благодаря Юсуфу Баласагуни в тюркоязычной культуре уже с XI века закреплена четко выраженная идея того, что одно из главных условий нормального существования человеческого сообщества — это верховенство в нем Закона. Идеи справедливости, правосудия, человечности, высказанные в поэтической форме в «Благодатном знании», станут с тех пор неотъемлемой принадлежностью тюркоязычной литературы и будут варьироваться в творчестве многих тюркоязычных поэтов, позволяя думать о существовании преемственности идей и образов «Благодатного знания» в творчестве последующих тюркоязычных авторов.

Возвратимся вновь к адресованным беку наставлениям Юсуфа.

Быть настоящим правителем непросто:
«Бек должен быть зорким и мудрым, тогда
Негаданным злом не нагрянет беда.
В бесчисленных доблестях имя прославь,
И слава твоя будет вечно тверда!»
(1956.1957)

Подобные предостережения поэта имели под собой реальные факты: в условиях постоянных усобиц беки-соперники подсылали друг к другу наемных убийц, соглядатаев и т. д. Более того, правитель одного из караханидских уделов Богра-хан Мухаммед был отравлен в 1057 г. своей собственной женой, которая хотела, вопреки желанию мужа, посадить на престол своего сына Ибрагима, что, возможно, и заставило Юсуфа хасс-хаджиба написать:

О мощный властитель, будь в зоркости строг:
Бывает отравлен беспечный едок.

(2142)

Только начавшему приобщаться к более высокой культуре тюрку быть беком не просто не только в своем дворце, но и за его пределами. Считавшие себя более цивилизованными правители Средней Азии и Ирана, сам «повелитель правоверных» — багдадский халиф относились к караханидским ханам как к невеждам, не знающим правил «государственной науки», приличия и манер. Так, багдадский халиф пишет иранскому государю Махмуду, что в сравнении с ним «Властитель Востока и Китая», караханидский хакан — «неуч, тюркок, невежда». О пренебрежительном отношении соседей к караханидским ханам-тюркам свидетельствует и рассказ летописца Гардизи о встрече караханида Кадыр-хана Юсуфа с Махмудом Газневидом, где обнаружилось полное незнакомство хана с царским этикетом и незнание придворных и дипломатических церемоний и обычаев. Гардизи повествует, как смущался, терялся и был неловок Кадыр-хан при вручении государственных даров, а также на торжественном пиру Махмуда Газневидом, постоянно проявляя свое незнание светского этикета и неуклюжесть в обращении. Не удивительны поэтому среди множества других и такие строчки у Юсуфа Баласагуни:

Невежда, презревший законы приличий,
Презрен будет всеми, кто знает обычай.
При старших — уж так повелось искони —
К еде после них свои руки тяни.
Жуй медленно, пищу разжуй без остатка
И помни, что дуть на горячее — гадко.

(4596, 4597, 4602)

Караханидам — недавним кочевникам, — которые хотели получить признание властителей и вельмож соседних оседлых областей, подавить величием и пышностью двора оседлое и кочевое население Маве- раннахра и

Семиречья, нужен был истинный государь — бек, владеющий всеми необходимыми знаниями и внешними атрибутами власти. Помочь воспитать такого бека и должно было дидактическое сочинение Юсуфа, которое несло «знание, образующее царей».

Однако силой своего разума и таланта поэт поднялся выше конкретных, преходящих вопросов своего времени и своего общества, философски осмысляя их в более широких человеческих и временных рамках. И в этом состоит величие Юсуфа Баласагуни, в творении которого «нашли свое яркое и высокохудожественное выражение общечеловеческие идеи, идеалы и мысли, волновавшие все народы во все времена».

И эта вот книга — дар добрых времен:

Она — море знаний для тех, кто смышлен.

Но ведает цену ей лишь просвещенный,

Что может невежда понять неученый!

Кто мудр, эту книгу оценит с почтеньем,

Лишь тот ценит знанья, кто зрел разуменьем.

(9. 20. 74)

Не случайно Юсуф Баласагуни предупреждает, что его сочинение предназначено отнюдь не каждому — глубина содержания «Благодатного знания» и необычный его характер открываются не сразу. Но для вдумчивого читателя «Благодатное знание» — это поистине сокровищница древней восточной мудрости: «В ней — мудрые мысли, куда ни взгляните, Как будто бы жемчуг нанизан на нити» (11). Многие собранные Юсуфом жемчужины не состарились и по сей день.

По Юсуфу, достоинство сынов человеческих составляют три непреходящие ценности: знания, язык и добрые дела. Превыше всего Великий хасс-хаджиб ставит знание:

Хочу я, о мудрый, о слове сказать
Ученья и знания воспеть благодать.
Познавший ученье — в деяньях весом,
А неуч и мелок и легок во всем.

(287. 297)

Язык, речь, слово - величайший дар человеку, утверждает поэт, главное, что отличает человека от животного. Но пользоваться этим чудесным даром нужно тоже с умом:

Язык свой смири, речь рассчитывай точно,
И помни: обильное слово не сочно!

(4333)

Смысл человеческой жизни... В чем он? Тысячелетия мучается этим вопросом разум человека. Мучился им и мудрец из Баласагуна. О чем бы он ни говорил, за этим почти всегда у него стоит напоминание об ожидающей впереди смерти. Но такое постоянное «memento mori» — «помни о смерти» — не имеет ничего общего с навязчивой идеей, отравляющей жизнь:

И помни о смерти — без мук, непрестанно:
Не дай, достославный, ей грянуть нежданно!

(5234)

Это — трезвое и мужественное напоминание людям, которые порой относятся к жизни недостаточно осмысленно именно из-за того, что забывают о неминуемой смерти. Осознавший мимолетность индивидуального существования философ подсказывает единственно достойную, по его мнению, линию поведения: пренебрежение мнимыми житейскими ценностями ради того, что есть в жизни истинно ценного. Такая вневременная нравственная ценность, придающая смысл человеческой жизни,— добрые

дела, которые создают человеку доброе имя — то непреходящее, к чему надо стремиться:

Все смертны, и вечно лишь доброе имя Того,

Кто был славен делами своими.

И ты преходящ, будь же именем вечен:

Чье имя бессмертно, тот сам бесконечен.

(228. 229)

Из такого миропонимания вытекают главные отличительные свойства достойного и благородного человека, настоящего мужа по представлениям тысячелетней давности,— свойства, определяющие все его поведение; они сохраняют свою ценность и поныне: это — доброта и человеколюбие:

Достойного мужа не старят года,

Дурной, как ни славь его, дурен всегда.

В раскаянье быстро стареет дурной,

А добрый живуч: он не мучим виной!

(347, 348)

А какого человека можно назвать добрым, и вообще, что такое добро? Поэт говорит об этом в своей отповеди отшельнику Одгурмышу, который удалился от мира и людей для покаяния и которого властитель призывает вернуться назад, к людскому жилью:

Во славу себе ты свершаешь обет,

Смотри, не подействуй себе же во вред?

Когда покаянье — толпе напоказ.

Вся высшая суть его рушится враз.

И добрый — не тот, кто избрал тихий кров,

А тот, кто с людьми и помочь им готов.

(3918. 3919. 3934)

В человеческом сообществе наряду с истинными существуют, однако, мнимые ценности и ложные цели. Поэт показывает никчемность многих людских страстей, подводя читателя к простой и глубокой мысли:

Ведь жизнь — это благо: зря жизни не трать.

Старайся, о доблестный, блага свершать!

И жизнь, что ты прожил,— тебе же отплата:

Лишь то, что ты дал ей. тобой будет взято.

(3545. 357/)

Более чем современно звучат такие наставления Юсуфа:

Без лени трудись, не забрасывай дел,

И словом и делом будь честен и смел.

Пораньше вставай и попозже ложись,

Встающему рано — все блага дались!

И всё совершай с прилежанием пущим.

Тебя и народ твой ждет благо в грядущем.

(1505. 1506. 5505)

Не стареют такие понятия, как «настоящий воин», «муж чести», «защитник от врагов». Образно, ярко описывает поэт храбреца-воителя, в котором соединяются качества едва ли не всех известных азиатскому кочевнику животных: львиная смелость, кабанье упорство.

Непокорный, неудержимый олень — этот образ из поэтического видения Юсуфа Баласагуни уже знаком нам по блестящей метафоре «паслось

слово тюрков оленем нагорным». Он же составляет основу живого сравнения, взятого также из охотничьей жизни:

«Да, счастье людское — что быстрый олень:

Изловишь — надежнее путы надень.

Удержишь — оно не сбежит никуда,

Упустишь — уже не вернешь ни на день!»

(712. 713)

Описывая качества, нужные военачальнику, поэт, как уже говорилось, последовательно уподобляет его животным и птицам, окружавшим азиатского кочевника (2310—2315). Основу такой образной картины составляет также традиционное для эпических сказаний Средней Азии сравнение героя с дикими животными, которое наблюдается, в частности, в киргизском эпосе «Манас», в туркменском «Гёр-оглы», в узбекском «Алпамыш», в огузской легенде об Огузкагане. Говоря о бытовании этого мотива в мусульманских литературах, любопытно отметить, что через 52 года после появления «Благодатного знания», в 1122 году арабский поэт Абу Бекр ат-Туртуши (1059—1126) в городе Фустате (ныне часть Каира) пишет для везира аль-Мамуна сочинение «Сирадж аль-мулюк» («Светоч царей»), в котором он также перечисляет свойства, необходимые главе войска, и при этом едва ли не дословно повторяет такое же описание Юсуфа Баласагуни.

Жизнь этой литературной модели продолжилась и далее: в XVIII веке великий туркменский поэт Махтумкули повторяет ее в своем стихотворении «Герекдир» («Нужна»).

Таким образом, свою поэтическую картину мира Юсуф хасс-хаджиб создает, широко используя фольклорные мотивы, традиционные приемы и средства эпических сказаний тюркоязычных народов.

Вместе с этим «Благодатное знание» воплотило в себе свойства, присущие тюркоязычной классической поэзии в ее лучших образцах и в последующие века ее развития: никаких «поэтических красот» в поэме нет, основу образа обычно составляет рационалистическая окрашенность бейта, контраст или гармония смыслов, содержащихся в двух мисра в бейте. В описательных же моментах,двигающих повествование, поэтическая речь обычно бывает как бы «протокольно» сжатой.

Свойства бейтовой структуры текста «Благодатного знания» в своих принципах остались характерны и для более поздних эпох развития тюркоязычной поэзии. Бейт в эпических произведениях выявляет всю свою диалектическую двуединую сущность: по своим художественным свойствам он должен обладать максимально возможной афористичностью и замкнутостью, а по развитию сюжета двигать повествование. Статические моменты, следовательно, должны здесь находиться в определенной гармонии с динамическими. Эта основная особенность эпического повествования в бейтах, то есть в жанре месневи, отличается у Юсуфа высокой степенью художественности. Разумеется, дидактическая направленность сочинения (преобладание наставлений над описаниями), простота внешней канвы сюжета и неторопливость его развития способствовали проявлению указанных свойств бейта.

Наряду с синтезом нескольких литературных традиций в «Благодатном знании» проявилась и характерная для всех средневековых литератур «эстетика подобающего»: здесь имеются и клишированные обороты (типа «цвела вся страна», «улыбка восходящего солнца»), и повторения, и стандартные, чаще всего — ярко символические описания природы, и варьированные «заходы» к одной и той же сущности, как бы ищущие наиболее подходящее, «идеальное» для нее выражение (например, бейты 165—176, 427—432). В связи с последним переводчик «Благодатного знания» С. Н. Иванов приводит высказывание Гегеля, блестяще характеризующее эту особенность восточного мышления и восточной поэзии: «Истинное познание

предмета должно быть... таким, чтобы он сам определял себя из самого себя, а не получал свои предикаты извне. Если прибегать к приему предикатирования, то дух чувствует при этом, что такие предикаты не исчерпывают предмета. Восточные народы, стоящие на этой точке зрения, называют совершенно правильно бога многоименным, обладающим бесконечным числом имен. Душа не находит удовлетворения ни в одном из конечных определений, и восточное познание состоит поэтому в не знающем покоя отыскивании таких предикатов».

Письмо — добрых слов нестираемый след:

Записана речь — ей забвения нет.

И если бы не было письменных строк,

Кто мудрые знания ведать бы смог?

Меч людям и странам приносит войну,

Калям сохраняет и множит казну.

Бек начал войну — кровью меч обагрило,

Но золотом каплют с каляма чернила.

(2697, 2698, 2714, 2715)

Вошедшее в «золотой фонд» тюркоязычной литературы сочинение Юсуфа донесли до нас только три древние рукописи, одна из которых написана уйгурскими буквами и хранится сейчас в Вене, а две другие переписаны арабским алфавитом и находятся соответственно в Каире и Ташкенте.

Вопрос о том, каким алфавитом пользовался Юсуф Баласагуни при написании своей поэмы, много раз обсуждался исследователями. Выше уже говорилось, что в государстве Караханидов использовались оба алфавита — и уйгурский (более употребительный), и арабский. Юсуф Баласагуни, человек высокообразованный, что явствует из каждого бейта его поэмы, безусловно, был в состоянии пользоваться обоими алфавитами.

В. В. Радлов (1837—1918) писал: «Как уроженец города Баласагуна (в Семиречье), автор (т. е. Юсуф.— М. Ф.) первоначально написал свою поэму арабскими буквами, вне влияния уйгурского письменного языка, но поэма подверглась этому влиянию в Кашгаре, где была закончена и поднесена хану, который велел переписать ее для распространения в народе уйгурским алфавитом».

В пользу мнения В. В. Радлова может отчасти служить тот факт, что в «Благодатном знании» бейт 1953 обыгрывает особенности именно арабской графики и в дословном переводе выглядит так: «Имя „бег" связано со (словом) „билиг" („знание"): Если от (слова) „билиг" отнять (букву) „лям", останется имя „бег"». Однако этот бейт с названной в нем буквой «лям» арабского алфавита является, скорее всего, просто более поздней вставкой в текст, что вообще характерно для средневековых литератур Востока.

С. Н. Иванов полагает, что приводившийся выше загадочный факт отсутствия упоминаний «Благодатного знания» и его автора в современных ему и более поздних библиографических справочниках, выполненных в арабской филологической традиции, все же свидетельствует косвенным образом о том, что «Благодатное знание» было написано уйгурским алфавитом и лишь в более позднее время было переписано и арабским алфавитом.

Говоря о научном исследовании «Благодатного знания», следует подчеркнуть важную роль тюркологов, трудами и усилиями которых были с очевидностью показаны необъективность и неприемлемость имевшихся суждений о поэме как о сочинении, где присутствуют одни «сухие нравоучения» и «безжизненные аллегорические фигуры». Появление в свое время подобных суждений объясняется тем, что ученые, «подходя к восточной литературе, прилагали к ней мерку, принятую при оценке литературных произведений Запада», то есть не учитывали различий между художественными канонами Востока и Запада. Помимо этого вне учета оставался еще один важный фактор — временной: различие эстетических и

художественных представлений средневековья и нашего времени. Приступая к рассмотрению средневекового литературного памятника, отмечает академик Д. С. Лихачев, «необходимо исходить не только из тех эстетических представлений, которые воспитаны в нас велики реалистическим искусством нового времени, но искать эстетические ценности в том их виде, в каком они ценились современниками»/

Сочинение Юсуфа Баласагуни уже неоднократно переводилось на другие языки, однако все существующие переводы, за исключением переложения Н. Гребнева, соответствуют понятию так называемого филологического перевода, то есть перевода, максимально точно передающего содержание переводимого произведения и потому с необходимостью носящего информационный характер. Но любое художественное произведение, и в особенности произведение поэтическое по самой сути своей не ограничивается собственно информационными целями содержательного плана, и потому филологический перевод поэтического произведения являет собою всего лишь квалифицированный подстрочник, лежащий вне каких-либо художественных задач. При чтении подобных филологических переводов, справедливо отмечает С. Н. Иванов, всегда остается ощущение недостаточности перевода, «рассыпанности» оригинала, утраты главного, самого существенного — эстетики и художественности оригинала.

В отношении же вольного стихотворного переложения Н. Гребнева надо сказать, что оно сделано с таким же мастерством, как и все работы этого известного советского переводчика. Однако — и это главное — названный перевод выполнен вне связи с самим оригинальным текстом и представляет собой версификацию немецкого подстрочника — перевода В. В. Радлова, во многом устаревшего и иногда неверного. Это не позволило русскому переводчику до конца понять и адекватно воссоздать средствами русского языка особенности поэтического искусства Юсуфа Баласагуни, который, как уже говорилось, соединил в своей поэме несколько литературных традиций, в результате чего его сочинение стало явлением своеобразной поэтической

эстетики. Проявления этой эстетики — как формальные, так и содержательные — можно видеть лишь при тщательном исследовании и абсолютном понимании оригинала, что требует от переводчика больших специальных и фоновых знаний.

Рожденные смертны, и жизнь быстротечна.

Л доброе слово бессмертно и вечно

Дано человеку наследовать слово.

Богат он стократ от наследства такого.

(180. 190)

В диссертации мы взяли перевод слова поэта и философа из Баласагуна, выполненный профессором Ленинградского университета С. Н. Ивановым, представляет собой принципиально новое явление, поскольку он является поэтическим, художественным истолкованием текста то есть соединяет в себе достоинство компетентного филологического перевода и эстетическую ценность воссозданных переводчиком художественных особенностей оригинала.

Творческим кредо переводчика является убеждение в том, что поэтический перевод должен представлять собою поэтическое, художественное истолкование текста, то есть пересоздание не одного лишь содержания, но и поэтики подлинника. Задача эта непомерш трудна, но только она, подчеркивает С. Н. Иванов, и достойна внимания как серьезная попытка ознакомить читателя с художественными поэтическими ценностями, созданными на неизвестном егму языке.

Перед переводчиком поэтического текста стоит триединая задача: во-первых, верно передать смысл, адекватно воспроизвести поэтическую мысль подлинника, во-вторых, передать его художественные особенности, то есть воссоздать его поэтику, и, в-третьих, добиться того, чтобы перевод стал

явлением родной национальной литературы, для чего необходима высокая степень эстетического совершенства, то есть художественность перевода.

Рассмотрим предлагаемый перевод с этих трех точек зрения, чтобы попытаться проникнуть в творческую мастерскую переводчика и одновременно глубже узнать «Благодатное знание».

Истолкование текста по содержанию, уяснение его вербального смысла, составляющее предварительный этап художественного воссоздания оригинала, извлечение смысла из «темных» для современного читателя мест «Благодатного знания» нередко является сложнейшей задачей. Даже высокая квалификация переводчиков не гарантирует однозначного понимания текста. Например, бейт 622 переведен разными учеными таким образом:

Р. Р. Арат: Айтолды вынул из кармана какой-то шар, положил его на землю, подложил его под себя и уселся на него;

С. Е. Малов: Он выпятил (свои) коленные чашечки, сел и уложил (их) Айтолды, Их распрямил и, смотри,

В. В. Радлов: Тут Айтолды вытащил глину (?) и положил ее, смотри, Он сбил ее в комок и уселся напротив.

К. К. Каримов: Айтолды вынул шар, положил его наземь, посмотри-ка, Подложив его под себя, уселся напротив, посмотри-ка.

С. Н. Иванов предлагает свой перевод:

Сядясь, протянул он ступни своих ног, Потом, их поджав, сел, спокоен и строг.

Его правильность подтверждается дальнейшим контекстом, а именно, бейтами № 647, 661 и 662, которые также по-разному переводятся учеными. Бейт № 647:

В. Радлов:

Ты давил на глину (?), чтобы усесться напротив,

Ты не слушал моих слов, склонялся ко сну.

Е. Малов: Ты растянул свои ноги (колени) теперь для сиденья. Что за место сидения (у тебя), — скажи это мне?

Перевод *С. Н. Иванова* открывает читателю простой, но скрытый смысл этого бейта:

И ноги ты выпятил здесь не по чести,
Ответствуй: тебе ли сидеть в этом месте?

Дальнейшее развитие этой темы — в бейтах 661 и 662:

В. Радлов: 661 — Глину (?) я клал на землю, чтобы подтвердить это слово, Чтобы показать тебе, что мой образ — таков. 662 — Как каждый, у кого нет места, накапливает для себя глину (?), Так за ним сам следует каждый успех.

Е. Малов: 661 — Я расположил к (соответствующему) месту (букв.: на земле) свои коленные чашечки (стихи?). Я укрепляю так эти слова. Я показываю тебе свое изображение. 662 — Подобно тому, как если кто без места, то колени (его) просверливаются (натруждаются от голого пола). Подобно этому и счастье, и я сам изменяюсь (вращаюсь).

С. Н. Иванов проникает в символику текста и окончательно проясняет смысл происходящего, одновременно вводя читателя в образный мир древних тюрок:

Хотел я дать знак, протянувши ступни.
Что вот, мол, с чем схож я, — на это взгляни.
Как ноги всеместно, бессменно идут,
Так мне, знаку Счастья, неведом приют.
(661, 662)

В итоге, ограничиваясь этими примерами, число которых возможно умножить, отметим, что творческим принципом *С. Н. Иванова* является не

буквализм, а функциональная, «поэтическая» адекватность перевода оригиналу при максимально точном истолковании вербального смысла подлинника.

В соответствии с творческим кредо С. Н. Иванова его перевод «Благодатного знания» представляет собой пересоздание не одного лишь содержания, но и поэтики подлинника, ее воссоздание средствами русского языка, что составляет вторую из трех основных задач переводчика.

Эвфония (звуковая организация) оригинального текста поэмы Юсуфа Баласагуни имеет выраженную тенденцию к начальной, междусловной и междустиховой аллитерации (повтору согласных звуков), которая характерна для древнего тюркского стиха. Переводчик стремится в определенной мере передать эту особенность и в русском стихе:

Три знака весенних, три — связаны с летом,
Три знака — осенним, три — зимним приметам.

(142)

Глава над войсками для власти — опора,
Где лад в ратном деле — правление споро.
Где сильная власть, там и рать для защиты.
Где войско возглавлено — воины сыты.

(2300, 2301)

В рифме Юсуф Баласагуни часто использует омонимы (слова с одинаковым звучанием, но с разным значением). Это отражается и в переводе:

В одних от рожденья негожая стать —
До самой их смерти им лучше не стать.
Писец и везир — оба в чине особом:
Все тайны вверяют двум этим особам.

(876, 2679)

В подавляющем большинстве случаев переводчик воссоздает имеющиеся в оригинале рифмы с редифом:

Властитель, что правит в законах разумных,
К себе привлекает ученых, разумных.(254)

Там, где в оригинальном тексте имеются рифмы типа рубай (ааба), они, как правило, воспроизведены и в переводе:

«Где б ни было счастье, ты следуй за ним,
Не верящий счастью бедою гоним.
Кто счастья добился — спасен от невзгод,
Найдет он свершенье желаньям своим!»
(681, 682)

В области поэтической лексики перевод С.Н.Иванова соответствует художественной действительности подлинника, его «духу», сохраняя его художественно-стилистическое единство. В первую очередь это относится к характеру изобразительных средств перевода. Читатель не найдет в нем «пышных», поражающих своей метафоричностью поэтических выражений, традиционно, но в сущности неверно ожидаемых от восточной поэзии. Труднодостижимая, недоступная простота — вот главное достоинство и мерило эстетической ценности поэтического стиля с точки зрения восточной теории поэтической речи, которая обозначала такой стиль специальным термином — «сахл-е мумтани». В рамках именно такой поэтической эстетики создан оригинал «Благодатного знания», художественные средства которого отличаются выраженной сдержанностью и не создают эффекта «остранения» — «странного», необычного видения и восприятия. В свою очередь, интерпретация поэтической лексики, изобразительных средств оригинала в

переводе С. Н. Иванова осуществляется в соответствии с названной эстетической нормой. Это представляется несомненной заслугой переводчика, сумевшего глубоко проникнуть в авторский замысел и удержаться в его границах. Чрезвычайную сложность и важность этого подчеркивал К. И. Чуковский: «Казалось бы, нетрудное дело — переводить данного автора дословно, не украшая, не улучшая его, а между тем это до такой степени трудно, что этому надо прилежно и долго учиться... Лишь путем долгого искусства переводчик научится обуздывать в себе стремление к личному творчеству, чтобы стать верным и честным товарищем, а не беспардонным хозяином переводимого автора».

Отличительное качество данного перевода — воссоздание в нем риторических фигур арабо-персидской поэтики, которые в оригинале придают стиху, как уже говорилось выше, его особый «восточный блеск» и одновременно подчеркивают смысл. Ряд таких фигур (а всего их — несколько десятков) не имеет соответствия в европейской поэтике. Не воссоздать их на русском языке было бы принципиальным художественным просчетом. Поэтому переводчик на основе русского языка моделирует многие такие фигуры.

Пример моделирования фигуры иштикак (скопление в стихе однокоренных слов) дает перевод бейта 1106, где указанную фигуру образуют три разные формы и значения тюркского глагола «есть»: «вкушал (блага)», «пользовался жизнью», «съест, поглотит». Точный филологический перевод этого бейта в «Древнетюркском словаре» не дает представления об этом эстетически важном поэтическом явлении, что обедняет словарный перевод и лишает его язык авторского своеобразия: «вкусил ли ты всяческие удовольствия и пользовался жизнью (или нет), смерть унесет тебя, не проявляй излишнюю беспечность». Используя одно из значений тюркского глагола («поглощать»), С.Н.Иванов на основе его форм реконструирует фигуру иштикак и вместе с этим — оригинальную архитеконику стиха, возвращая ему прелесть авторского замысла:

Глотавшему блага вся жизнь — что глоток,

Поглотит и смерть тебя — час недалек.

(1106)

Иногда Юсуф Баласагуни в одном бейте использует сразу несколько фигур, как в бейте 897, где переводчику нужно было воссоздать две риторические фигуры: таджнис-и тамм (полный повтор, который здесь составила омонимическая рифма) и иштикак:

О том, что лишь добрый — радетель добра,

И чем для людей добродетель добра.

(897)

В этом отношении бейт 564 ставит перед переводчиком, казалось бы, неразрешимую задачу — здесь виртуозное словесное искусство Юсуфа Баласагуни блещет игрой сразу трех поэтических фигур: таджнис-и тамм (омонимическая рифма), иштикак (скопление одно-коренных слов) и таджнис-и мюздевич (спаренный повтор, нечто вроде русского «диво-дивное»). Полностью сохраняя смысл оригинала, переводчик воссоздает все три фигуры:

Столь дивному мужу нельзя не дивиться,

Хотя он и муж, а не диво-девица.(564)

Другая особенность оригинального текста «Благодатного знания» — наличие в нем большого числа так называемых «парных» выражений, что отражает уже иную — чисто тюркскую — литературную традицию, искони присущую, в частности, древнеуйгурской литературе. Перевод на русский язык этих двучленных выражений традиционно осуществляется одним словом, как, например, в «Древнетюркском словаре»: ukuglug biliglig — «мудрый», til lafz — «слово», alp atim — «отважный». С. Н. Иванов, напротив,

практически во всех таких случаях при переводе обязательно сохраняет дву-членную структуру оригинального предложения и тем самым — специфику тюркского языкового мышления: *ukuglug biliglig* — «разумный и сведущий» (463), *tili lafzi* — «и словом и слогом» (471), *alp atim* — «храбрецы-вожаки» (1961). Такой подход позволил воссоздать в переводе авторскую манеру поэтического словоупотребления.

В связи со сказанным следует особо подчеркнуть значимость творческого принципа С. Н. Иванова — обязательно воссоздавать особенности поэтики оригинала, благодаря чему поэтическая лексика перевода адекватно передает художественно-стилистическое своеобразие подлинника, реализует на русском языке авторский замысел.

Поэтический синтаксис — та сторона языка, в которой наиболее отчетливо проявляется специфика индивидуального словесно-художественного стиля писателя и вообще — индивидуальное своеобразие человека. Отсюда понятно первостепенное значение воссоздания синтаксических особенностей оригинала при художественном переводе.

В предлагаемом переводе обязательно воссоздаются все типичные конструкции поэтического синтаксиса поэмы Юсуфа: обращения, восклицания, синтаксические анафоры и эпифоры, синтаксический параллелизм, инверсия синтаксиса, а также и синтаксические фигуры арабо-персидской поэтики,— например, в бейте 1621 моделируется фигура *радд аль-аджуз ала-с-садр* (повтор во втором мисра слова или выражения из первого мисра). Но самой яркой особенностью поэтического синтаксиса оригинала является предельно сжатая форма синтаксических конструкций, что определяется стремлением автора к афористичности — своеобразному идеалу бейта. Воссоздание в русском переводе этой особенности оригинала, являющейся одной из самых сильных сторон последнего, было, по словам переводчика, его главной задачей. Решение этой задачи — воспроизведение афористической отточенности бейтов — стало, в свою очередь, одной из главных творческих удач переводчика.

Для достижения такой же, как в оригинале, афористичности, «сжатости» текста переводчик отыскивает в русском синтаксисе конструкции, функционально аналогичные оригинальным, в частности, эллиптические. Благодаря этому чеканная выразительность изречений оригинала передана С. Н. Ивановым в такой же совершенной и очень естественной для русского языка (а потому легко запоминающейся) форме. Примером может служить бейт 176, который в «Древнетюркском словаре» имеет такой перевод: «Следи хорошенько за языком и (тогда считай, что) сохранена голова, Говори покороче и (считай, что) жизнь продлена». Вместе с пояснительными словами в переводе 17 слов против 9 в оригинале плюс «утяжеление» синтаксиса, что означает утрату важного эстетического качества текста — лаконичности, предельной приближенности словесного выражения к течению мысли. Отвергая формалистически-буквальное следование за подлинником, привязанность к грамматическим формам без проникновения в их функциональную сущность, переводчик создает свой вариант перевода, полностью передающий обаяние подлинника, его эстетику и в то же время — его смысл без малейшего искажения:

Язык придержал — и цела голова,
И долог твой век, если кратки слова.
(176)

При помощи синтаксических функциональных аналогов переводчик передает главные стилевые особенности синтаксиса оригинала, а следовательно, воссоздает национальный характер оригинального текста, но при этом синтаксис русского перевода остается безупречным с точки зрения норм русской литературной речи. Для передачи стихотворного размера, которым написана основная часть «Благодатного знания» (восьмистопный мутакариб, при котором одно мисра содержит 11 слогов), переводчик избрал четырех-

стопный амфибрахий, в котором схема чередования ударных и неударных слогов выглядит следующим образом:

$$V — V / V — V / V — V / V — (V).$$

Число слогов в строке при этом получается либо 11 (при мужских рифмах), либо 12 (при женских рифмах). Чередование мужских и женских рифм используется в переводе, как отмечает его автор, для придания строкам и повествованию в целом интонационного разнообразия.

Выбор указанного размера основан на теоретическом положении переводчика о том, что именно в трехсложных русских размерах следует искать ритмический эквивалент тюркского стиха, потому что заметное выделение ударного слога в этих размерах и, соответственно, протяженности ударного гласного создает эффект имитации долгот тюркского оригинала. В пользу такого выбора можно привести еще два соображения. Во-первых, выделяемые многими исследователями «напевность», «свобода дыхания» стиха, написанного арузом, суть проявления главной особенности аруза — музыкальной основы этой системы, в которой напевность заложена органически. Поэтому при поиске в национальной просодической системе функционального эквивалента метрам аруза следует, конечно, обратиться к тем размерам, которые создают наиболее благоприятные условия для осуществления мелодического движения стиха, для напевного чтения. Такими в русской поэтической традиции и являются трехсложники, чрезвычайно распространенные в напевном стиле русской поэзии. Во-вторых, использование четырехстопного амфибрахия в данном случае целесообразно также благодаря его семантическому ореолу в классической русской поэзии. Его нетрадиционность в ряду крупных классических русских поэтических форм создает благоприятные условия для передачи этим размером нерусской поэзии. Кроме того, внешние системные связи этого метра сразу настраивают читателя на необходимый круг образов, мотивов и эмоций, поскольку его общая семантическая традиция тяготеет к серьезным темам и отличается философической настроенностью, совпадая в этом с реальными

семантическими и эмоциональными характеристиками текста «Благодатного знания».

Применение научно обоснованного метрического эквивалента позволило переводчику передать основную тональность поэзии Юсуфа Баласагуни и создать в конечном итоге смысловой поэтический эквивалент оригиналу, поскольку воссозданная в русском стихе интонация соответствует семантическим и экспрессивным характеристикам оригинального текста.

Предлагаемый перевод воплощает основную методическую установку советской школы поэтического перевода, которая заключается в стремлении донести до читателя как некую величайшую ценность национальный стиль художественного произведения, избежать его какой бы то ни было русификации. Данный перевод написан безупречным русским языком, однако русскоязычному читателю достаточно прочесть несколько строк, чтобы почувствовать, что это произведение — нерусское. Такое воссоздание средствами русской речи национальной поэтической эстетики, национального духа — бесспорная заслуга переводчика, который сумел передать читателю самое главное: художественную индивидуальность переводимого автора во всем своеобразии его стиля.

Говоря о третьем слагаемом триединой задачи переводчика, следует отметить художественный уровень предлагаемого перевода. Последний, безусловно, является фактом русского поэтического искусства. Здесь в первую очередь надо назвать высокую просодическую культуру русского стиха и богатство его эвфонии. Выразительная инструментовка стиха перевода (что соответствует особенностям оригинала) — это явление, которое в русской поэтической эстетике было и остается художественно значимым и ценным.

Большое художественное значение имеет созданная переводчиком при помощи архаизмов дистанция времени. Полная нейтрализация временного колорита лишила бы перевод важного для него эстетического компонента, поскольку для современного читателя роль такого колорита художественно

значима. Архаизацию лексики перевода, не имеющую формального соответствия в оригинале, здесь нужно объяснять архаичностью содержания религиозных и схоластических представлений эпохи, окружавшей поэта, а не языковой формой их воплощения в оригинале. Но основу перевода составляет все же современная русская языковая традиция высокого уровня. Лишь на правах дополнительной стилистической расцветки переводчик вводит в язык перевода архаичную лексику, чтобы подчеркнуть принадлежность текста к иной эпохе и иной культуре.

Другое важное качество перевода — это безупречная выдержанность избранного переводчиком стиля. Строгий, пристрастный отбор лексики, основанный на принципе ее соответствия художественно-стилистическому единству перевода и изначально — оригинала, создает художественное впечатление цельности и гармонии, присущих самому сочинению тюркского поэта.

Вместе с этим представляемый перевод отличается богатым и разнообразным словарем. Это — следствие прежде всего уже упомянутого использования устаревающей и устаревшей лексики, то есть использование переводчиком и активного, и пассивного состава русской лексики. Наряду с этим лексическое богатство перевода основывается, в частности, на применении переводчиком синонимов. Для примера приведем не совсем обычный случай. Юсуф Баласагуни, перед тем как дать какую-либо обобщающую сентенцию, обычно указывает, что по этому поводу уже есть высказывания мудрецов или соответствующие стихи, и призывает их выслушать, как, например, в таком бейте:

Хранит речи мудрые тюркский язык,
Послушай, что молвил премудрый старик.
(667)

В подобных, очень частых, «вводных» оборотах, предшествующих дальнейшей прямой речи, нас интересует глагол в повелительном наклонении

(в приведенном примере — «послушай»), выражающий призыв выслушать следующую далее сентенцию, обращающий на нее внимание читателя. В оригинале в таких «вводных» оборотах используются самые различные слова и их формы: *eshit* или *eshitgil* — «послушай», *okı* или *okıgil* — «прочти», *tut* или *tutgil* — «возьми» (в дело, т.е. используй), *et (it)* — «сделай» (для себя другом это слово), *korse* — «если посмотришь» (на слова), а также и другие, выполняющие ту же функцию. Это — одно из проявлений стилистического богатства, разнообразия склада речи Юсуфа Баласагуни. Учитывая это, переводчик в русском тексте также максимально разнообразит форму таких «призывов», используя для этого целый ряд функциональных синонимов, в качестве которых выступают глагольные формы 2-го и 3-го лица повелительного наклонения: «услышь», «внемли», «узнай», «узри» (что за смысл в этом слове), «проникнись» (наказом), «да внемлет» (слову юнец), «да примут» (совет) и многие другие. Такое умение уместно и обоснованно использовать синонимические богатства русского языка К. И. Чуковский справедливо считал одним из проявлений мастерства, главным отличием переводчика-мастера от переводчика-средняка.

Еще один, очень интересный случай применения огромного синонимического ряда представляет передача в русском переводе понятия о боге. В оригинале поэмы автор использует для этого 2 арабских слова: *Allah*, *gab*, а также — 4 тюркских: *bayat*, *ugan*, *tenri*, *idi*. Кроме того, в этой роли выступают эпитеты бога — причастные формы соответствующих тюркских глаголов: *torutgen* — «создающий», *igidgen* — «воспитывающий», *kegiirgen* — «прощающий» (милостивый), *yaratgan* — «творящий». И здесь также очевидно стремление Юсуфа к синонимическому разнообразию своей речи. Что же касается русского перевода, то здесь синонимический ряд с доминантой «бог» поражает своим богатством и прихотливостью, включая в себя более 20 синонимов: «создатель», «творец», «всевадыка», «зиждитель», «предержец главенства» и т. д.

Их сопровождают разнообразнейшие эпитеты: «величавый», «желанный», «всесильный», «всеблагодетель» и множество других.

Эстетические достоинства такого богатства и разнообразия форм передачи понятия о боге в переводе очевидны и бесспорны. Правда, при сравнении с заметно более малочисленными такими формами в оригинале может возникнуть сомнение в правомерности такого переводческого решения.

Однако более глубокое рассмотрение этого вопроса показывает правильность и обоснованность решения переводчика умножить число синонимов понятия «бог» в переводе. Основанием для этого является то, что для правоверного мусульманина (каким был и автор поэмы, и ее читатели) понятие о боге, то есть Аллахе, неразрывно связано с постоянными эпитетами, атрибутами Аллаха, которые постоянно присутствуют в религиозном сознании мусульманина в ассоциативной связи со словом «Аллах». Эпифитетов 99. Поэтому не только можно, но и нужно отразить эту особенность — богатое ассоциативное содержание мусульманского понятия о боге — в русском переводе. Творческое решение переводчика в определенной мере и воссоздает в русском тексте это причудливое красноречие и изысканность слова мусульманского Востока.

И рассматриваемом отношении привлекает внимание и еще один прием переводчика — использование в рамках общей стилиевой направленности русского текста функционально-стилевого расслоения современной русской лексики, что создает дополнительное художественное воздействие. При переходе от философских размышлений, молит, славословий непосредственно к «беседам» и «рассказам» герою характер текста стилистически меняется — переводчик придает ему разговорную окраску, используя лексику и формы современных разных стилей, например такие экспрессивно-эмоциональные слова, как «сквалыга», «жадюга», «прикарманить», «пялиться», «езжай» (вместо нейтрального «поезжай»), «ладно», «пускай» и др. Так осуществляется чуткая стилистическая регистровка текста. Образующиеся при этом в границах стилистического

единства всего периода тонкие стилистические нюансы и переходы заметно влияют на непосредственное художественное впечатление, сообщая ему большее разнообразие, рельефность и эмоциональную насыщенность. Благодаря этому содержание текста, в частности бесед героев, «оживает», приобретает конкретные, зримые черты, свойственные общению обычных людей из плоти и крови.

Однако описанный творческий прием сразу ставит вопрос адекватности перевода и оригинала: стилистическая регистровка перевода должна иметь для себя основания в стилистических характеристиках подлинника. Здесь перед переводчиком текста, написанного на уже давно мертвом языке, встает труднейшая проблема — определение стиля оригинала, стилевой принадлежности его лексики. Решение этой проблемы требует специальных филологических познаний и развитого языкового чутья, которое появляется только в результате начитанности в подобных текстах. Это — лишнее свидетельство тому, что попытки создать качественный поэтический перевод путем рифмования подстрочника, как правило, не могут быть творчески плодотворны.

Историческая стилистика тюркских языков до настоящего времени практически не разработана, и ни один словарь не дает стилевых характеристик тюркской лексики рассматриваемого периода. Соответственно, реконструкция функционально-стилевой отнесенности лексики оригинала «Благодатного знания», оставаясь труднейшей темой специального исследования, еще никем и никогда не осуществлялась. Погтому филологически компетентный перевод С. Н. Иванова, представляющий собой художественное истолкование текста, можно рассматривать в этом отношении как первую практическую попытку такой реконструкции. В ее основе лежат профессиональные познания ученого-тюрколога, в частности, добытое многолетним опытом знание стилеразличительных признаков, характерных для языка средневековой тюркской поэзии.

Заканчивая на этом краткую характеристику предлагаемого перевода, можно сказать, что в нем решена названная выше триединая переводческая задача, в основе которой лежит диалектическое противоречие — сделать иноязычное произведение органичным явлением русской литературы и при этом не исказить его национального своеобразия.

Воссозданное на русском языке «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни открывает всесоюзному читателю новые грани художественно-поэтического слова Востока, делая и нас наследниками лучших достижений духовной культуры азиатских народов.

Писал я, мечту и надежду храня,
Что доброй молитвой вспомнят меня.
Писала рука, а слова вела речь,
От смерти ни руку, ни речь не сберечь!
И память о них — мой вот этот рассказ,
Его для тебя я, о мудрый, припас.
(6505—6507)

Поэма Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание» дошла до нас в трех рукописях:

Венская (по месту ее нынешнего нахождения), или Гератская (по месту переписки в 1439 г.). Написана она уйгурскими буквами со списка, выполненного арабским алфавитом. Рукопись исполнена небрежно, что может свидетельствовать о том, что переписывалась она со списка, находившегося в плохой сохранности и содержавшего графические ошибки. В ней отсутствуют некоторые бейты (197— 228, 6304—6351, 6521—6604) и даже целые страницы (бейты 2739— 3473), пропущенные, вероятно, при брошюровке. Эта рукопись из Герата попала в Турцию. Австрийский ученый И. Хаммер-Пург- шталь (1774—1856), находясь в Стамбуле на дипломатической службе, купил ее у букиниста и передал в Венскую Королевскую библиотеку.

Каирская, написанная арабским письмом, находится в Каире в Хидивской библиотеке, где она и была обнаружена в 1896 г. директором библиотеки немецким ученым Б. Морицем. Экземпляр дефектный: в нем отсутствуют многие бейты. Копия этой рукописи, выполненная в 1898 г. по заказу В. В. Радлова для Азиатского музея Петербургской Академии Наук, хранится в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Наманганская (Ферганская) рукопись, написанная арабским письмом и самая совершенная из известных рукописей поэмы Юсуфа Баласагуни, была обнаружена А. З. Валидовым (1891 —1970) в 1913 г. в Намангане (ныне УзССР) в библиотеке Мухаммада-ходжи-ишан Лоляриша. Некоторое время она считалась утерянной, но, к счастью, была вновь обнаружена узбекским ученым Фитратом в 1925 г. В настоящее время хранится в Институте востоковедения АН УзССР в Ташкенте.

История изучения «Благодатного знания» хорошо известна по публикациям С. Е. Малова, Д. М. Насилова, К. Каримова. Р. Арата, А. Дильячара и других исследователей.

Краткое описание Венской рукописи, выполненное И. Хаммер-Пургшталем, привлекло внимание французского тюрколога А. Жобе-ра (1779—1847). Он же и предпринял первое исследование этого выдающегося памятника тюркской поэзии, которое, правда, не свободно от неточностей и ошибок.

Первая полная публикация Венской рукописи «Благодатного знания» была осуществлена венгерским тюркологом и путешественником Г. Вамбери (1832—1913).

Русский ученый академик В. В. Радлов в 1890 г. издал текст поэмы с предисловием на немецком и русском языках («Кутатку Билик»: факсимиле уйгурской рукописи Императорской и Королевской придворной библиотеки в Вене. Спб., 1890). Затем в 1897 г. он приступил к изданию перевода поэмы на немецкий язык, которое пришлось приостановить, т. к. стало известно о

существовании Каирской рукописи. К 1910 г. В. В. Радлов полностью издал транскрипцию и перевод «Благодатного знания» на немецкий язык, выполненный по двум — Венской и Каирской — рукописям.

Перевод поэмы на турецкий язык (по трем рукописям) осуществил турецкий ученый Р. Арат в 1947—1959 гг. Критический текст Р. Арата узбекский филолог К. Каримов издал в транскрипции на основе фонетики современного узбекского языка и в переводе на узбекский язык (1971).

На русском языке отрывки из «Благодатного знания» опубликованы С. Е. Маловым (Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951). Русский стихотворный перевод избранных глав по немецкому переводу В. В. Радлова выполнен Н. Гребневым (Юсуф Хас-Хаджиб. Наука быть счастливым. Ташкент, 1963). Полный стихотворный перевод, осуществленный по критическому тексту Р. Арата, принадлежит С. Иванову (Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М.: «Наука», 1983).

«Благодатное знание» состоит из двух предисловий — прозаического и стихотворного, восьмидесяти пяти глав различного объема и заключения, которое включает в себя три стихотворных фрагмента. В состав произведения входит оглавление, вероятно авторское. (В тексте поэмы оно находится перед основной частью, в настоящем издании для удобства пользования помещено в конце книги.)

В изучаемом издании русский текст поэмы заново отредактирован переводчиком. Ущербность текста оригинала отмечена отточиями. Публикация сопровождается вступительной статьей, в которой сообщаются известные в настоящее время биографические данные Юсуфа Баласагуни, дается представление о характере его творчества, определяется место его сочинения в литературе Востока. В примечаниях даны необходимые сведения историко-литературного и бытового характера, поясняющие текст. Не переведенные на русский язык слова и понятия, мифологические и исторические имена и названия, упоминаемые в тексте и вступительной статье, выделены в специальный Словарь.

< ПРЕДИСЛОВИЯ)

Славные сподвижники его. Имеются в виду четверо так называемых «правоверных халифов», т. е. четверо правивших последовательно за Мухаммедом его преемников: Абу Бекр, Омар, Осман, Али (см. Словарь). Язык бограхановский.— от имени Богра-хан (см. Словарь). О языке «Благодатного знания» см. вступ. статью, с. 16. Мужичина называли ее *Сводом благочиния» и т. д. Из упомянутых здесь сочинений известно лишь «Шахнаме» («Книга шахов») Фирдоуси (ок. 940 — между 1020 и 1030). В данном случае речь идет не о различных названиях одного и того же сочинения, а о популярности произведений подобного жанра (см. вступ. статью, с. 13).

Бейт 7. Да славен посланник, что призван всеусущим, Хвала его присным, с ним вместе идущим. Имеются в виду Мухаммед (см. Словарь) и его сподвижники (см. выше). Бейты 15-16. Полезна, во всем безупречна она (...) А запись — не всем грамотеям понятна. В государстве Караханидов более употребительный уйгурский алфавит постепенно вытеснялся арабским. Известные науке списки «Благодатного знания» написаны и уйгурским алфавитом (Венская, или Гератская рукопись), и арабским (Каирская и Наманганская (Ферганская) рукописи). Автор «Благодатного знания», по-видимому, имеет в виду непонятность уйгурского алфавита для владевших арабским письмом и, наоборот, арабского алфавита — для владевших уйгурским письмом (если, конечно, уже при авторе имели хождение списки, написанные обоими алфавитами). Возможно, что известный загадочный факт отсутствия упоминаний «Благодатного знания» и его автора в современных ему и в более поздних библиографических и биобиблиографических справочниках, выполненных в арабской филологической традиции, все же свидетельствует косвенным образом о том, что «Благодатное знание» было написано уйгурским алфавитом и лишь в более позднее время было переписано и арабским алфавитом (см. вступ. статью, с. 44). Правда, в русле арабографической традиции выполнен образ в бейте 1953, где обыграно

сходство арабского написания слов «бек» и «знание», однако это вполне может быть и поздней вставкой. Бейт 23. Бограханово время — время правления Богра-хана. (см. Словарь). Бейт 28. Весь Чин называл ее «Свод благочиний» и т. д.— см. выше.

Глава 1. Поэтика поэмы «Кутудгу билик» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни

Раздел 1. История и генезис поэмы «Кутудгу билик» («Благодатное знание»)

Раздел 2. «Кутудгу билик» («Благодатное знание») как общетюркский литературный памятник

Глава 2. Особенности художественного перевода поэмы «Кутудгу билик» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни

Раздел 1. Поэтика художественного перевода.

Раздел 2. История перевода поэмы «Кутудгу билик» на русский язык.

Раздел 3. Сопоставительный анализ переводов
Н.Гребнева, С.Малова, В.Радлова, К.Каюмова и С.Иванова.
Глава 3.

Шесть с лишним тысяч бейтов тюркского поэта ждут Вас, ува - жаемый читатель, чтобы одарить богатством своего содержания , необычными сведениями и удивительным совершенством поэтической формы.

М.

С.

Фомкиш

(ПРЕДИСЛОВИЯ)

1

ВО ИМЯ БОГА МИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО

Хвала и восхваление, благодарение и слава богу, могучему и великому, ибо он — властитель всемогущий, величественный владыка; он создал все земное и небесное, всему живому дал пропитание; все желанное ему свершил он; все, на что ни будут воля его и благоволение, свершает он; все, что ни вознамерится осуществить, воплощает он; все, что ни предрешает он, свершается.

И да будут бесчисленны хвалы посланнику божьему, стоящему над всеми созданиями,— Мухаммеду избранному, и да будет неизбывное благоволение господне над достойными и славными сподвижниками его.

Книга сия величественна в славе своей. Читающий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина, и возвещающий стихи ее сам возвеличен ею. Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке бограха-новском и тюркской речью.

К какому бы властителю и в какой бы предел ни доходила эта книга,— за великие совершенства и беспредельные красоты ее премудрые и ученые мужи тех держав одобряли ее и давали ей различные названия. Мужи Чина называли ее «Сводом благочинии», сподвижники государей Мачина звали ее «Радетелем держав», повелители стран Востока именовали ее «Украшением властителей», иранцы — тюркской «Книгой шахов», а некоторые — «Книгой наставлений властителям», туранцы же зовут ее «Благодатное знание».

Сочинитель сей книги — уроженец Баласагуна, муж воздержный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре, и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба; посему и известна слава имени его — Юсуфа, Великого хасс-хаджиба.

Основа сей книги — несколько непреходяще ценных суетей: первая — Справедливость, вторая — Счастье, третья — Разум, четвертая — Неприязательность, и каждой из них по-тюркски наречено имя. Справедливости дано имя Кюнтогды-элик, это — властитель, Счастье воплощено в имени Айтолды, это — везир, Разум олицетворен в имени Огдюльмиш, это — сын везира; Неприязательность носит имя Одгурмыш, это — родич везира. И меж ними происходят беседы — произносятся вопросы и ответы.

Да возрадуется сердце читающего, и да помянет он доброй молитвой сочинителя, если будет на то воля господня.

2

Над сущим господь вознесен величаво, Ему подобает великая слава!

Велик и могуч он — предержец главенства, Творец и зиждитель, само совершенство.

Владыка всех тварей, небес и земли, Тебе дал он пищу — вкушай и внемли!

Всем тварям обильная пища дана им, Он всех напитает, а сам не питает.

Всё даст он живым — не оставит несытых, Он пищу им дарит, водою поит их.

Всему его волей даруется лик, Кого он возвысит — тот будет велик.

Да славен посланник, что призван всесущим. Хвала его присным, с ним вместе идущим!

Мухаммед, над всеми поставлен высоко, Стал божьим созданьям зеницею ока.

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

Глава 1. Бейт 3 0. Пророк — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 31. Восславь его верных друзей четверых — см. выше, примеч. к предисловию 1.

Глава 2. Бейт 3 4. Избранный — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 45. Печатью пророков над всеми он встал. Имеется в виду Мухаммед (см. Словарь).

Глава 3. Бейт 5 0. Два тестя достойных, два зятя любимых — Абу Бекр, Али и Мухаммед (см. Словарь).

Глава 5. О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака. В этой главе излагаются традиционные восточные воззрения на устройство вселенной. Средневековая восточная астрономия мусульманского региона, как и европейская наука того времени, различала девять небес — семь, соответствующих планетам, и два неба, расположенных выше. Созвездие, именуемое в европейской науке «Дева», восточная астрономия называла «Колосья». Бейт 143. Огню, воде, воздуху, праху земли — Всему по три знака, весь мир в них. — внемли. Огонь, вода, воздух, прах земли считались четырьмя элементами, слагающими среду обитания жизни.

Глава 11. Бейт 351. Два мира объять помышляет мой разум. Мусульманская религиозная догматика различает два мира — настоящий и грядущий (загробный). Бейт 3 8 6. Зажег в моем сердце он светоча жар И дал моей речи свидетельства дар. Свидетельство — признание и произнесение мусульманского символа веры: «Нет бога, кроме бога, и Мухаммед — посланник божий».

Глава 18. Бейт 9 4 0. Владыка вселенной — Богра-хан (см. Словарь). По восточной традиции, правящий государь назывался «владыкой, властителем вселенной».

Глава 19. Бейт 103 6. Печать и бунчук, барабан и кольчуга — внешние атрибуты и приметы сана везира (см. Словарь).

Глава 20. Бейт 10 5 2 И вот уж луна — перед убылью света. Имеется в виду Айтолды (см. Словарь). Бейт 10 5 3. Четыре в нем сути не ладят внутри. По учению древней восточной медицины, в теле человека находятся четыре

жидких элемента, различающиеся по цвету: красный — кровь, желтый — желчь, черный — гной, белый — мокрота, слизь. Древние медицинские каноны утверждали, что нарушение равновесия между названными элементами является причиной физических и духовных недугов. Бейт 10 7 1.

Был полной луной я — на убыль пошел — см. примеч. к бейту 1052.

Глава 21. Бейт 123 8. Всего два полотнища — доля твоя. По мусульманскому обряду погребения, усопшего облачают в саван, состоящий из двух кусков материи.

Глава 2 2. Бейт 13 12. От скверны язык и глаза защити. Ешь мало, стремись дозволения блюсти. Мусульманская религиозная догматика противопоставляет два понятия: дозволенное и запретное. В данном случае имеется в виду дозволенная религиозными установлениями еда.

Глава 2 3. Бейт 134 8. Благой пророк — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 13 4 9. Хвала и друзьям его благословенным. Имеются в виду четверо «правоверных халифов» (см. примеч. к Предисловию 1, с. 539). Бейт 13 9 0. Сей мир и могила твоя — два привала. По верованиям мусульман, земная жизнь и посмертное пребывание в могиле до Судного дня — два этапа (две стоянки, два привала в пути, два дня) бытия человека в этом мире, после которых наступит мир грядущий. Бейт 14 2 0. Тебе двух полотнищ довольно на свете — см. примеч. к бейту 1238. Бейт 1 4 2 8. Конем без седла тебе станут носилки. Имеются в виду носилки, на которых усопшего переносят к месту погребения. Бейт 1 4 3 3. Не льстись на запретное, силой не действуй — см. примеч. к бейту 1312. Бейт 14 7 3. Внять голос, призывно зовущий, готовься. Имеется в виду ангел смерти Азраил (см. Словарь). Бейт 15 3 5. Всего лишь два дня он гостит во вселенной — см. примеч. к бейтам 351, 1390.

Глава 2 6. Бейт 166 3. Дано ему счастье в обоих мирах — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 17 3 3. Другим любо море — там смерть они ищут. Имеются в виду добыватели жемчуга, ныряльщики; образы, связанные с жемчугом, его добычей и опасностями, грозящими ныряльщикам, чрезвычайно распространены в тюрко-язычной классической поэзии. Бейт 17 6 6. Коня дал

элик ему, чашу, печать, Почетной одеждою с^ал отличать. Здесь перечислены внешние атрибуты высокого государственного сана (см. примеч. к бейту 1036).

Глава 2 7. Бейт 189 0. Известно, что есть у нас семь членов тела. Число «семь» имеет большое значение в различных представлениях народов Востока: семь планет, семь земных поясов, семь небес, семь звезд Большой Медведицы и т. д. В применении к частям тела число «семь» толкуется по-разному: голова, грудь, живот, две руки, две ноги; голова, руки, ноги, четыре стороны тела — передняя, задняя и две боковые. Бейт 2126. Его в двух мирах обойдут награжденья — см. примеч. к бейту 351.

Глава 3 2. Бейт 2581. Когда бек верхом — в бранный бой ли поскачет, Охоту, объезд ли, игру ли назначит. Имеется в виду игра човган, разновидность поло: две партии всадников особыми клюшками отбивают друг у друга шар и стремятся загнать его в пространство между столбами.

Глава 3 5. Бейт 278 3. Правила высшего счета — геометрия и вообще высшая математика.

Глава 3 9. Бейт 326 2. Два мира — см. бейты 351, 1390. Бейт 328 6. Эфиоп — здесь: Биляль, легендарный раб, будто бы прислуживавший Мухаммеду (см. Словарь). Сравнение темноты, мрака ночи (эфиопская тьма) и т. п. с цветом кожи Биляля или вообще чернокожих традиционно в классической тюркской поэзии.

Глава 4 2. Бейт 3 5 2 9. Ты — гость на два дня в этом мире всего лишь! — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 3 5 3 2. И тешиться в мире тебе лишь два дня — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 354 6. Три вещи есть в жизни, их суть триедина: Дурное, законное и середина — см. примеч. к бейту 1312. Бейт 3 5 6 1. Ты — путник, а мир — лишь стоянка в пути — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 3 6 16. Тебе два полотнища нужно всего! — см. примеч. к бейту 1238.

Глава 4 3. Бейт 3731. Посланник — Мухаммед (см. Словарь).

Глава 4 5. Бейт 390 6. Пророк — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 3 9 0 7. И верным друзьям его всем — восхваленья — см. примеч. к Предисловию 1, с. 539. Бейт 392 5. Дозволенным сытый, муж добрых примет В обоих мирах будет сыт и одет — см. примеч. к бейтам 351, 1312, 1390. Бейт 394 9. Весь мир эфиопскою тьмой облекло — см. примеч. к бейту 3286.

Глава 5 5. Бейт 438 2. Семь высей небесных знай лучше земли — см. примеч. к гл. 5.

Глава 5 7. Бейт 440 9. Надень, что дозволено, праведно ешь — см. примеч. к бейту 1312.

Глава 6 5. Бейты 4633 — 463 4. Я плоть твою всю объясню тебе делом: В ней — красное с желтым и черное с белым и т. д.— см. примеч. к бейту 1053.

Глава 6 7. Бейт 4701. Умрешь — на тебя две холстины навьют.— см. примеч. к бейту 1238. Бейт 47 1 1. Где ныне весь мир покоривший воитель. Железных твердынь-крепостей устроитель? — Имеется в виду Шаддад (см. Словарь).

Бейт 4 7 12. Где пес недостойный, всем миром владевший. На черном орле к поднебесью взлетевший? — Имеется в виду Намруд (см. Словарь). Бейт 4713.

Где богом себя возомнивший в гордыне И сгубленный богом в бездонной пучине? — Имеется в виду Фараон (см. Словарь). Бейт 4 7 14. Где жадно копивший несметные блага. В могилу унесший сокровища скряга? — Имеется в виду Карун (см. Словарь).

Бейт 4 7 15. Где тот, что на запад прошел от востока, И длань распростер над вселенной далёко? — Имеется в виду Искандер (см. Словарь). Бейт 4716. Где муж, что жезлом с острым жалом змеиным Морским повелел расступиться пучинам? — Имеется в виду Муса (см. Словарь).

Бейт 4717. Я где ныне слывший великим владыкой Всех тварей — несметной толпы многоликой? — Имеется в виду Сулейман (см. Словарь).

Бейт 4 7 18. И где ныне муж, мертвецов воскрешавший? — Имеется в виду Иса (см. Словарь). Бейт 4719. Где ныне избранник, стоявший над миром?— Имеется в виду Мухаммед (см. Словарь).

Глава 6 8. Бейт 4 9 6 2. И стал чернокожим вселенский предел — см. примеч. к бейту 3286.

Глава 71. Бейт 5351. Законное есть — грех забыть навсегда, Законное — мирного еда! — см. примеч. к бейту 1312.

Глава 72. Бейт 558 7. Тебе в двух мирах уготовано счастье — см. примеч. к бейту 351. Бейт 560 4. Равна двум мирам этих слов благодать — см. примеч. к бейту 351.

Глава 7 3. Бейт 567 5. Черная птица — планета Юпитер.

Глава 7 5. Бейт 586 7. Четыре враждующих в теле основы — см. примеч. к бейту 1053. Бейт 589 6. Дары двух миров да пошлет тебе бог — см. примеч. к бейту 351.

Глава 7 7. Бейт 600 7. Привидятся года различные сроки — То значит, что в теле смещаются соки — см. примеч. к бейту 1053. Бейт 6165. Дурной в двух мирах тяжкой мукой томим — см. примеч. к бейту 351.

Глава 81. Бейт 619 3. В обоих мирах тот и счастлив и благ — см. примеч. к бейту 351.

Глава 8 5. Бейт 635 8. Им чуждо негожее всё искони. Имеется в виду запретное (см. примеч. к бейту 1312). Бейт 637 5. Могила их ждет да всего две холстины — см. примеч. к бейту 1238. Бейт 644 4. Всего две холстины — имущество их — см. примеч. к бейту 1238. Бейт 649 6. Четыреста да шестьдесят да второй Шел год, как я этому слову дал строй. 462 год по мусульманскому летосчислению соответствует 1069—1070 гг. н. э.

(ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Бейт 660 5. О, сподобь меня, боже, пророка узреть, И с друзьями его да сведет меня бог! Имеются в виду Мухаммед и четыре «правоверных» халифа — Абу Бекр, Омар, Осман и Али (см. Словарь). Бейт 662 4. Четыреста да шестьдесят да второй Шел год, как я слову и жизнь дал, и строй — см. примеч. к бейту 6496.

Бейт 664 6. Да славится тысячекратно пророк, Друзей его верных да милует бог!— см. примеч. к бейту 6605.

СЛОВАРЬ

Абу Бекр — первый из так называемых правоверных халифов, правил с 632 по 634 г., сразу после смерти Мухаммеда (см.), который был его зятем (одной из жен Мухаммеда была дочь Абу Бекра — Айша).

Азраил — ангел смерти, возвещающий людям их кончину и принимающий души умерших.

Айтолды — дословно: «Луна стала полной», «Полнолуние».

Али — четвертый из так называемых правоверных халифов, правил с 656 по 661 г., после Османа (см.). Двоюродный брат и зять Мухаммеда (см.) — его женой была дочь Мухаммеда Фатима.

Али-Хасан — один из предков Богра-хана (см.), каких-либо достоверных сведений о нем нет.

Алп Тонга (Алп Эр Тонга) — древнетюркский эпический герой, отождествлялся по традиции с Афрасьябом (см.).

Аргуван (иудино дерево) — дерево, цветущее ярко-розовыми цветами.

Арслан-хан — предок Богра-хана (см.), достоверных сведений о нем нет.

Атык (араб.) — «освободитель», прозвище Абу Бекра (см.).

Афрасьяб — мифический древнеиранский герой, правитель Турана, отождествлялся с Алп Тонга (см.).

Баласагун (другое название — Кузорду) — западный центр государства Караханидов, находившийся в Семиречье, в долине реки Чу, западнее современного г. Токмак Киргизской ССР.

Бек — правитель, властитель, властелин, господин.

Богра-хан — титул многих государей из тюркской династии Караханидов, которая правила с 840 по 1212 г. государством, существовавшим на территории Восточного и Западного Туркестана. Богра-хан, упоминаемый в настоящем произведении, — правитель Кашгара (полный титул — Табгач Богра-хан, ум. 1102 или

1103), которому было поднесено «Благодатное знание» его автором (см. предисловия и бейты 60—63).

Бодисагви — по современному учению буддизма (см.) — божество, находящееся на пути превращения из человека в будду (см.), почти будда, но не погрузившийся в состояние блаженства из-за своей любви к людям и желания привести их к «спасению». Так называли людей, находящихся в состоянии перерождения, которое будто бы предшествует превращению человека в будду.

Буддизм — одна из наиболее распространенных религий, имеющая приверженцев главным образом в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Будда — основатель религии буддизма, по преданию, им был Гаутама (624—544 гг. до н. э.).

Бунчук — древко с шаром или острием на верхнем конце и прядями из конских волос. Один из атрибутов высокого сана (бека, везира и др.).

Везир — министр, сановник, ближайший советник правителя.

Заххак — легендарный властитель, славившийся жестокостью, герой иранских эпических преданий, в том числе поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Иса — коранический пророк (библейский Иисус). Ислам почитает Ису только как одного из бесчисленных пророков, будто бы обладавшего способностью воскрешать мертвых посредством своего дыхания.

Искандер — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии, основатель огромной империи, воспитанник Аристотеля.

Кадий (араб.) — судья.

Кайсар — обобщенный образ властителя Рума (см.).

Калям — тростниковое перо для писания.

Камфара — кристаллическое вещество белого цвета с характерным запахом, в восточной поэзии традиционно противопоставляется мускусу (см.).

Карин — легендарный богач.

Кашгар — восточный центр государства Караханидов, современный город того же названия в Западном Китае, в Синьцзянь- Уйгурской автономной области.

Кузорду — см. Баласагун.

Кюнтогды — дословно: «Солнце взошло», «День занялся».

Кюсемиш — дословно: «Желанный», «Взыскуемый».

Лукман — легендарный мусульманский мудрец, врачеватель всех недугов.

Мавераннахр — территория между реками Амударья и Сырдарья.

Манихейство — религиозное учение, возникшее на Ближнем Востоке в III в. и являвшееся выражением мировоззрения народных масс. По преданию, создано уроженцем Месопотамии Мани (216 или 217—276). Основным догматом является учение о добром и злом началах, лежащих якобы в основе мира. В первые века своего существования получило распространение в Иране, Средней Азии, Сирии, Месопотамии, Египте, а также в Китае.

Мачин — см. Чин и Мачин.

Муса — коранический персонаж (библейский Моисей). Он владел волшебным змееобразным жезлом, посредством которого повелел разверзнуться морю.

Мускус — ароматическое вещество, добываемое из желез кабарги. В тюркоязычной, как и в ираноязычной, поэзии мускус традиционно противопоставляется камфаре как символ зеленого обновления (молодости) мертвящей белизне (старости). Иногда мускус и камфара противопоставляются как символы темной ночи и светлого утра или просто символизируют благоухание.

Мухаммед (ок. 570—632) — проповедник, основатель религии ислама, почитается мусульманами как «посланник божий», «провозвестник» божественного откровения, «величайший и последний пророк» («печать пророков»).

Мухтасиб (араб.) — надзиратель, лицо, присматривавшее за порядком на базарах.

Мюрид (араб.) — «взыскующий», «последователь», ученик, состоящий при учителе-старце (шейхе).

Намаз — пятикратная молитва у мусульман.

Намруд — мифический падишах, страстный охотник; он взлетел к небу, оседлав орла, но был погублен пчелами.

Нард (нарды) — особого рода шашки.

Нисба — прозвище человека по месту его рождения.

Нишапур — город на северо-востоке Ирана.

Ной (Нух) — коранический и библейский персонаж.

Нуширван (Ануширван) — Хосров I Нуширван (531—579), иранский шах из династии Сасанидов; в поэзии — образ могущественного властителя.

Овен — зодиакальное созвездие.

Огдюльмиш — букв.: «Достохвальный».

Одгурмыш — букв.: «Пробуждающий».

Омар — второй из так называемых правоверных халифов, правивший с 634 по 644 г., после Абу Бекра (см.).

Осман — третий из так называемых правоверных халифов, правивший с 644 по 656 г., после Омара. Ортодоксальная мусульманская традиция считает его наиболее ревностным защитником ислама.

Отюкен — горная гряда в Монголии.

Редиф — повторение слова (иногда двух или трех) после рифмы в конце каждой строки в тюркоязычной классической и современной поэзии; иногда редиф стоит перед рифмой.

Рум — Византия; обобщенный образ Европы, Запада в произведениях восточных авторов.

Румийская дева — жительница Рума (см.).

Рустам — иранский витязь, богатырь, герой поэмы Фирдоуси «Шах- наме».

Рыба — зодиакальное созвездие.

Сулейман (соответствует библейскому царю Соломону) — легендарный властитель всех живых существ, которому было известно таинственное,

«неизреченное» имя бога. Оно было вырезано у него на перстне. Считается, что печать Соломона — шестиконечная звезда из двух скрещенных равносторонних треугольников, в среднем поле которой написано так называемое «неизреченное» имя, т. е. «Яхве».

Султан — наследственный титул монарха в некоторых мусульманских странах Востока.

Сутра (сутры) — разряд сочинений в древнеиндийской религиозной литературе. В буддизме (см.) сутрами обычно называют отдельные части более крупных сочинений или сборников, посвященные разбору какого-либо одного вопроса.

Табгач (Тавгач) — другое название Мачина (см.).

Табгач-Карахан Богра — Богра-хан (см.).

Табгач-хан (от географического названия Табгач, Тавгач, см.) — один из титулов Богра-хана (см.).

Тамга — печать, клеймо.

Тимур (1336—1405)—среднеазиатский правитель и полководец. В результате военных походов создал державу со столицей в Самарканде, включавшую Мавераннахр (см.), Хорезм (см.). Афганистан, Иран. Ирак, Азербайджан, Армению и Грузию. Похоронен в Самарканде в мавзолее Гур-Эмир.

Туран — «страна тюрков», синоним более позднего названия «Туркестан», древнее название территории к северу от Ирана по правую

сторону от реки Амударьи, куда входила, в основном, современная Средняя Азия.

У луг — великий.

Учорду — возможно, карлукский город, находившийся между Самаркандом и Андижаном.

Фараон (Фираун) — деспот, возомнивший себя богом.

Фаридун (Афридун) — мифический властитель Ирана, свергнувший Заххака (см.).

Фарус (араб.) — «различающий добро и зло», прозвище Омара (см.).

Хадис — короткое повествование о приписываемых Мухаммеду (см.) и его приближенным отдельных поступках или об изречениях Мухаммеда, состоит из двух частей: в первой перечисляются имена людей, якобы передававших данный хадис один другому, во второй содержится само повествование.

Хаджиб, хасс-хаджиб — придворный чин высокого ранга.

Хайдар — букв.: «лев», эпитет Али (см.).

Хакан — властитель, один из титулов караханидских государей.

Халиф (араб.) — управляющий, наместник, властитель.

Хиджра (араб.) — «переселение», переезд Мухаммеда (см.) из Мекки (город на западе Саудовской Аравии, родина Мухаммеда) в Медину (город на западе Саудовской Аравии, в нем находится могила Мухаммеда). Датой этого события обычно указывается 20 сентября 622 года; этот день был объявлен началом мусульманского летосчисления, которое также стало называться хиджра.

Хорасан — провинция на северо-востоке Ирана.

Хорезм — древнее государство, находившееся в нижнем течении Амударьи, наибольшего могущества достигло в XI — XIII вв. С сер. XVII в. столицей его становится г. Хива. Ныне эта территория входит в состав УзССР.

Хосрое — Хосров II Парвиз (590—628), иранский шах из династии Сасанидов.

Хытай — Чин и Мачин (см.).

Чигиль — представитель рода Чигиль, восточной ветви племени карлуков, господствовавшего в государстве Караханидов.

Чингисхан (ок. 1155—1227) — монгольский хан и полководец. Создал огромное государство, известен также своими военными походами, в результате которых его власть распространилась от Сибири и Северного Китая до Кавказа, Средней Азии и Северного Ирана.

Чин и Мачин — Северный (Чин) и Южный (Мачин) Китай. Другое название Мачина — Табгач, Тавгач (см.). Средний Чин (Спи) называли «Хытай», Нижний Чин — Кашгария.

Шаддад — герой народных сказаний, тиран-богоборец, обладавший властью над людьми и духами, устроитель райского сада.

Шариат (араб.) — букв.: «закон», «законоположение»; свод мусульманских религиозных и юридических законов, составленных на основе положений Корана.

Шатранч (шатрандж. шатранг) — шахматы.

Элик — государь, властитель, правитель.

Эльбек — правитель одного из племен в государстве Караханидов.

Эрсиг — дословно: «Доблестный», «Мужественный».

Югруш — титул знати в государстве Караханидов, соответствующий везиру (см.).

Ябгу — титул верховного правителя у западных карлуков.

Ягма — западная ветвь племени карлуков, главенствовавших в государстве Караханидов.

1 Подробнее см.: Кляш торный С. Г. Эпоха «Кутадгу би- лиг» // «Сов. тюркология». 1970. № 4. С. 82—86.

2 Подробнее см.: Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. М., 1963. Т. 2. ч. 1. С. 246—247 (далее сокращенно Бартольд В. В. История культурной жизни)

3 Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 40 (далее сокращенно: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья).

2 Там же. С. 256.

S I.

1 Подробнее см.: Бартольд В. В. Баласагун // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 355—357; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. // Соч. М., 1966. Т* 4. С. 50—57; Массой М. Е., Горячева В. Д. Бурана: История изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе, 1985.

а

л

1 Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 525, 535.

Arat. Ankara, 1959. С. 55.

Иванов С. Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. М., 1983. Лит. памятники. С. 531 (далее сокращенно: Иванов С. Н. О «Благодатном знании»).

" ' ^ ^, 521—522.

Подробнее см.: Там же. С. 523—524.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов М., 1983. Лит. памятники. С. 542, прим. 15—14

Об этом см. с. 539.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций. С. 113, 115.

Бертельс Е. Э. Суфизм. С. 377.

3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Льв» 1967. С. 142.

0 См.. об этом с. 539.

Лозинского «Божественной комедии» Данте. Подробнее см.: Федоров А. В.
Искусство перевода и жизнь литературы.

